

ПИТЕР СИНГЕР

— ● —

**О ВЕЩАХ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
ВАЖНЫХ**

— ● —

МОРАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА

Питер Сингер

**О вещах действительно
важных. Моральные вызовы
двадцать первого века**

Издательство «Синдбад»

2016

УДК 17.034
ББК 87.7

Сингер П.

О вещах действительно важных. Моральные вызовы двадцать
первого века / П. Сингер — Издательство «Синдбад», 2016

ISBN 978-5-00131-065-5

Короткие эссе, написанные и опубликованные автором в разные годы, собраны им под одной обложкой не случайно. Каким бы вопросом ни задавался Сингер – от гипотезы существования мирового правительства до благотворительности, от суррогатного материнства до эвтаназии, от вегетарианства до прав роботов, – стержнем его размышлений остается этика. Мир, в котором мы живем, стремительно меняется. В результате глобализации, бурного развития науки и появления новых технологий, в том числе социальных, современный человек часто оказывается перед трудным моральным выбором. Как вести себя в условиях, с которыми раньше никто никогда не сталкивался? Одобрять или осуждать явления, аналога которым еще не было в истории человечества? Для каждого, кто неравнодушен к судьбам нашей планеты и населяющих ее живых существ, книга Питера Сингера может стать надежным нравственным компасом.

УДК 17.034
ББК 87.7

ISBN 978-5-00131-065-5

© Сингер П., 2016
© Издательство «Синдбад», 2016

Содержание

Предисловие	6
Главные вопросы	9
Драгоценная голубая точка	9
Имеет ли что-то значение?	11
Существует ли моральный прогресс?	13
И снова о Боге и страдании	15
Мораль без Бога	17
Готовы ли мы к «моральной таблетке»?	19
Способность к милосердию	21
Думая о мертвых	23
Почему мы не спешим стать последним поколением?	25
Философия на высоте	27
Животные	29
Этичные еврейца	29
Если бы рыбы могли кричать	31
Культурные предрассудки против китобойного промысла?	33
О преимуществах веганства	35
Подумаем об индейке: размышления ко дню благодарения	37
Мясо из пробирки	39
Шимпанзе тоже люди	41
Корова, которая...	43
«Жизнь священна»: до каких пределов?	45
Подлинная трагедия аборта	45
Выхаживать ли самых крошечных?	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Питер Сингер

О вещах действительно важных

Peter Singer

ETHICS IN THE REAL WORLD

Copyright © 2016 by Peter Singer

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018.

Предисловие

Мы совершаем этический выбор гораздо чаще, чем осознаем сами. Обычно человеку кажется, что «этичность» – это соблюдение неких правил о том, «чего нельзя». Если бы к ним этика и сводилась, то любой поступок, который не нарушает этих правил, считался бы этичным. Но это, конечно же, не вся правда. Такое ограниченное понимание этики ничего не говорит о том благе, которое мы в состоянии принести другим, не таким удачливым, как мы, причем не только внутри собственного общества, но и везде, куда только дотянемся. Более того, человеку не помешало бы распространить свое этическое неравнодушие и на будущие поколения, и даже за пределы своего биологического вида – на животных.

У граждан демократического общества есть еще один важный этический долг: стремиться к знаниям и участвовать в принятии решений, имеющих общественное значение. Поскольку многие из таких решений требуют этического выбора, профессионально подготовленные специалисты в области этики, или философии морали, принесли бы много пользы, участвуя в общественной дискуссии по этическим вопросам.

На взгляд современного человека, ничего странного в таком подходе нет, но еще недавно, когда я учился в университете, философы настойчиво просили, напротив, не рассматривать их как экспертов, обладателей знаний и умений, применимых в решении сложных этических задач. К счастью для меня (потому что вряд ли бы я остался философом, если бы эта точка зрения победила), под давлением студенческих движений конца 1960-х – начала 1970-х годов изменилось и применение, и преподавание философии морали. Студенты эпохи войны во Вьетнаме, борьбы с расизмом и сексизмом, кампаний в защиту окружающей среды потребовали от университетских программ актуальности и отклика на острые проблемы современности. В ответ на этот запрос философы вернули свой предмет к его истокам. По примеру Сократа, расспрашивавшего сограждан-афинян о природе справедливости и о том, что значит праведно жить, они набрались смелости и начали задавать эти вопросы студентам, коллегам и всему обществу.

Моя первая книга, написанная во времена общественных протестов против расизма, сексизма и войны во Вьетнаме, ставила вопрос так: когда в условиях демократии допустимо гражданское неповиновение? С тех пор я стараюсь заниматься прежде всего тем, что волнует людей, далеких от философии. В некоторых философских кругах принято считать все, что можно объяснить неспециалисту, слишком поверхностным, чтобы тратить на это время. Я же, напротив, подозреваю, что нельзя объяснить просто только то, что непонятно тебе самому.

Если даже книга для массового читателя ниже достоинства многих академических специалистов, то газетная колонка – это в их глазах предел падения. Тем не менее здесь вы найдете некоторые из моих работ в этом малом жанре. Колонка быстро теряет актуальность, но я отобрал те из них, которые касаются долгосрочных вопросов и проблем, к сожалению, пока далеких от решения. Ограниченный объем колонки – не больше тысячи слов – заставлял меня писать не только просто, но и кратко. Разумеется, такие эссе невозможно вынести на суд других ученых. Неизбежно приходится жертвовать какими-то нюансами, которые были бы затронуты в сочинении более объемном. Одобрение коллег по философскому цеху, конечно, очень приятно, но для меня успех заключается еще и в том, как мои книги, статьи и лекции воздействуют на гораздо более широкую аудиторию – на тех, кто интересуется возможностями жить этично. Статью в научном журнале, как утверждает одно недавнее исследование, в среднем дочитывают до конца десять человек. Авторскую колонку в крупной газете или колонку комментатора, перепечатанную многими изданиями, могут прочитать десятки тысяч, иногда – миллионы людей, и как знать, не изменит ли кто-то из них свои взгляды на важные вопросы или даже свою жизнь. Я точно знаю, что это возможно, потому что некоторые читатели рас-

сказывали, как под впечатлением от моих заметок больше жертвовали на благотворительность, отказывались от продуктов животного происхождения, а один даже отдал почку совершенно постороннему человеку.

О своем подходе к этике я рассказываю в первой части книги, но кое о чем хочу сказать сразу и подробнее. Моральное суждение нельзя считать на сто процентов субъективным, этим оно отличается от оценочного. Будь оно строго субъективным, спорить по этическим вопросам было бы так же бессмысленно, как о вкусе мороженого – какой лучше. Понятно, что у разных людей разные вкусы и что «правильного» количества чеснока в салатной заправке не существует. Тем не менее спор о легализации добровольной эвтаназии или о том, хорошо ли есть мясо, мы бессмысленным не считаем.

Этика состоит не в том, чтобы выразить интуитивное одобрение или осуждение, даже если многие его разделяют. Безотчетное «фу, гадость!» помогало нашим предкам выживать, когда они уже были социальными млекопитающими, но еще не стали людьми, не умели рассуждать абстрактно. В более масштабном и сложном глобальном обществе, в котором мы живем сегодня, безотчетные реакции – не самый надежный способ отличить добро от зла. В наше время для этого нужно уметь рассуждать.

Одно время я считал, что такого рода рассуждения представляют собой просто вывод логических следствий из основополагающего этического постулата, который в конечном счете субъективен. Сейчас я так не думаю. Дерек Парфит в своей масштабной работе «О том, что имеет значение» (*On What Matters*; я говорю о ней дальше, в эссе «Имеет ли что-то значение?») доказывает, что существуют объективные этические истины, которые мы способны обнаружить с помощью рассуждения и размышления. Те, кто считает, что объективной этической истины не существует, вправе рассматривать мои эссе как развитие той этической позиции, которую разные философы формулировали по-разному, но, пожалуй, лучше всего выразил великий философ-утилитарист XIX века Генри Сиджвик: «Благо отдельного человека с точки зрения, если так можно выразиться, Вселенной имеет не больше значения, чем благо любого другого, – если только нет особых причин считать, что в одном случае благо окажется больше, чем в другом».

Сиджвик был утилитаристом, я тоже утилитарист. Когда начинаешь изучать интуитивные реакции человека на вопросы морали, формировавшиеся веками и распространяемые через культуру, утилитаризм, на мой взгляд, – самая удачная позиция. Подробнее я излагаю это в работе «Точка зрения Вселенной» (*The Point of View of the Universe*), написанной в соавторстве с Катаржиной де Лазари-Радек. Впрочем, в эссе, вошедших в эту книгу, я не придерживаюсь строгой утилитарной модели. Многие выводы я делаю, опираясь также и на неутилитаристские подходы. Проблемы, о которых я пишу, так актуальны для реальной жизни, что, как добросовестный утилитарист, я должен обращаться не только к узкому кругу последовательных утилитаристов, но и к максимально широкой аудитории.

Некоторые из эссе написаны на темы, по которым моя позиция давно известна: этика наших взаимоотношений с животными, вопросы жизни и смерти, обязательства обеспеченных по отношению к неимущим. По другим темам я высказываюсь впервые: например, этично ли продавать почку или выращивать генномодифицированную пшеницу, каков моральный статус робота, обладающего сознанием, предосудителен ли инцест между взрослыми братьями и сестрами. Счастье и как его хранить и поддерживать – ключевой вопрос для моей этической позиции, этой теме посвящен один из разделов. Из статей более личного характера упомяну завершающую – размышления о серфинге, который делает меня счастливым.

Читателей, знакомых с моими взглядами по одним вопросам, возможно, удивит точка зрения на другие. Я стараюсь сохранять ум открытым и реагировать на доказательную базу, а не просто предсказуемо держаться некоторой политической линии. И если вы пока сомневаетесь,

есть ли от философа польза при обсуждении острых, волнующих общество проблем, надеюсь, что книга вас в этом убедит.

Главные вопросы

Драгоценная голубая точка

Немецкий философ XVIII века Иммануил Кант писал: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

В нынешнем году у телескопа юбилей: 400 лет назад Галилей воспользовался им впервые. Поэтому год объявлен Международным годом астрономии, что дает повод для размышлений над первым из кантовских источников «удивления и благоговения». Официальная задача мемориального года – помочь гражданам мира «заново открыть свое место во Вселенной» – хороша еще тем, что позволяет отвлечься от таких земных неприятностей, как свиной грипп и мировой финансовый кризис.

Что говорит астрономия о «звездном небе надо мной»? Расширяя наше представление о необъятной Вселенной, наука по меньшей мере поддерживает в нас то изумленное благоговение, с которым мы смотрим в небо звездной ночью (выбравшись подальше от задымленного воздуха и избыточного городского освещения туда, где хорошо видны звезды). Но все, что мы знаем, недвусмысленно дает понять, что наше место во Вселенной весьма скромное.

В эссе «Мечты и факты» (Dreams and Facts) философ Бертран Рассел писал, что вся наша Галактика Млечный Путь – это крошечный фрагмент Вселенной, а Солнечная система в составе этого фрагмента – «бесконечно малое пятнышко», и в пятнышке этом «наша планета – микроскопическая точка». Сегодня у нас есть не только словесный портрет нашей маленькой планеты на фоне Галактики. По предложению астронома Карла Сагана, космический зонд «Вояджер», покидая пределы Солнечной системы, сделал снимок Земли. Благодаря этому в 1990 году мы получили изображение Земли – голубоватой точки на зернистом снимке. Поищите на YouTube «Карл Саган – голубая точка», и вы сможете послушать его самого, призывающего нас любить и беречь этот мир, поскольку на одной этой голубой точке собрано все, что нам в жизни дорого.

Трогательные слова, но что за ними?

Формулировка Рассела может создать впечатление, что мы, пятнышки в огромной Вселенной, вовсе ничего не значим: «Крошечные сгустки, состоящие из углерода с примесями и воды, со сложной структурой, с довольно нестандартными физическими и химическими свойствами, ползают по поверхности этой точки несколько лет, а затем вновь распадаются на составляющие их элементы». Но из размера нашей родной планеты нигилистический подход к нашему существованию никак не следует, да Рассел и не был нигилистом. Он просто считал, что нельзя отмахиваться от факта: во Вселенной мы занимаем очень незначительное место. Это понимание позволяет расстаться с комфортной, но иллюзорной верой в мир, созданный для нас и ради нас заботами доброго и всемогущего Творца. «Мечты и факты» заканчиваются такими парадоксальными словами: «Никто не свободен от страха, пока не осмелится увидеть свое настоящее место в мире; никто не достигнет величия, к которому способен, пока не позволит себе увидеть, насколько он мал».

После Второй мировой войны, когда мир разделился на ядерные лагеря, грозившие взаимным уничтожением, незначительность планеты в масштабах Вселенной совершенно не помешала Расселу бороться с угрозой исчезновения жизни с ее лица. Наоборот, ядерное разоружение до конца дней оставалось центральным вопросом в его политических выступлениях.

Аналогичной позиции придерживается и Саган. Взгляд на Землю со стороны, по его словам, в целом снижает важность таких вещей, как границы между странами, которые нас разделяют, и «выдвигает на первый план нашу обязанность хорошо обращаться друг с другом, беречь и защищать эту голубую точку, единственный наш дом». Ал Гор использовал образ «голубой точки» в финале фильма «Неудобная правда» (An Inconvenient Truth), давая понять, что, если мы приведем планету в негодность, бежать с нее нам будет некуда.

Возможно, так оно и есть, хотя сейчас ученые открывают за пределами нашей Солнечной системы все новые планеты. Может быть, однажды окажется, что мы не единственные разумные существа во Вселенной и обсуждаем с себе подобными вопросы межвидовой этики. Это возвращает нас ко второму кантовскому источнику удивления и благоговения – нравственному закону внутри нас.

Интересно, что бы подумало существо, совершенно непохожее на нас эволюционно, возможно, даже имеющее в основе своей жизни не углерод, а что-то еще, – о нашем нравственном законе?

Project Syndicate, 14 мая 2009 года

Имеет ли что-то значение?

Может ли моральное суждение быть истинным или ложным? Или по самой сути этика исключительно субъективна, так что каждый вправе выбирать себе свою? А возможно, ее диктует культура общества, в котором человек живет, и именно в ней следует искать ответ на этот вопрос?

В философии приписывать моральным суждениям объективную истинность вышло из моды в 1930-х годах, когда логический позитивизм провозгласил, что, поскольку проверить их на истинность, судя по всему, нельзя, следует видеть в них не что иное, как выражение наших чувств и умонастроений. Например, говоря «Нельзя бить ребенка», мы на самом деле просто выражаем свое неодобрение действия или пытаемся его прекратить. Прав объективно тот, кто бьет ребенка, или не прав – так вопрос не ставится.

Такой подход к этике критиковали часто, но в основном с позиций религиозных, приводя в качестве аргументов божьи заповеди. Западная философия, по преимуществу светская, подобные доводы воспринимала прохладно. Другие критические системы, отстаивавшие объективную истинность этики, хотя и не прибегали к религии, оставались непопулярными, потому что противоречили самым широко распространенным моделям.

Но в прошлом месяце произошло важное событие: вышла долгожданная книга Дерек Парфита «О том, что имеет значение». До сих пор Парфит, почетный профессор колледжа Олл-Соулз в Оксфорде, оставался автором лишь одной книги – «Причины и лица» (Reasons and Persons), вызвавшей большой интерес в 1984 году. Абсолютно внерелигиозная аргументация Парфита, логичность и ясность его подхода к альтернативным точкам зрения впервые за десятки лет вынуждают противников объективности этики защищаться.

Книга «О том, что имеет значение» впечатляюще объемна: два толстых тома, более 1400 страниц тщательно проработанной аргументации. Но суть аргументов изложена на первых 400 страницах, что для человека пытливого ума вполне преодолимо, особенно если учесть, что Парфит, в лучших традициях англоязычной философии, стремится к ясности и никогда не говорит заумно там, где можно сказать просто. Он пишет ясно, рассуждает четко и часто подкрепляет свою мысль наглядными примерами. Его книга – настоящее пиршество ума для тех, кто хочет не столько узнать, «что имеет значение», сколько понять, может ли что-то иметь значение объективно.

Многие исходят из того, что рациональное всегда инструментально: разум может только подсказать, как получить желаемое, но сами наши основополагающие нужды и желания вне-рациональны. Это не так, возражает Парфит. Подобно тому как мы считаем истинным, что $1+1=2$, мы признаем, что у меня, как и у каждого, есть причина избегать будущих страданий, независимо от того, насколько меня в данный момент волнует, наступят ли в будущем эти страдания. У нас также есть причины, хотя не всегда решающие, предотвращать страдания других. Эти очевидные, нормативные истины лежат в основе доводов Парфита в пользу объективности этики.

Один из ключевых аргументов против объективности этики гласит, что люди категорически не согласны друг с другом в том, что считать правильным и неправильным, причем несогласие распространяется и на философов – тех, кого не упрекнешь в невежестве или глупости. Если такие великие мыслители, как Иммануил Кант или Иеремия Бентам, расходились во мнениях о том, как правильно поступать, существует ли объективно истинный ответ на этот вопрос?

Отвечая на этот аргумент, Парфит приходит к утверждению, пожалуй, еще более смелому, чем его доводы в защиту объективности этики. Он рассматривает три главные теории о том, как вести себя правильно: одна восходит к Канту, другая – к идее общественного дого-

вора в традициях Гоббса, Локка, Руссо и современных философов Джона Ролза и Т. М. Сканлона, третья – к бентамовской утилитарности, – и доказывает, что кантианская теория и теория социального договора жизнеспособны, только если их пересмотреть. Затем он утверждает, что после такого пересмотра эти теории совпадут с одной из форм консеквенциализма, теории из того же многочисленного семейства, что и утилитаризм. Если Парфит прав, то противоречий между, казалось бы, конфликтующими моральными теориями меньше, чем мы думали. Приверженцы каждой из этих теорий, по образному высказыванию автора, «взбираются с разных сторон на одну и ту же гору».

Читатель, который обратится к книге «О том, что имеет значение» в поисках ответа на вопрос, вынесенный в заголовок, возможно, будет разочарован. Прежде всего Парфит стремится бросить вызов субъективизму и нигилизму. Он считает, что ничто не имеет значения, пока не доказана истинность объективизма.

Когда он все-таки добирается до вопроса о важном, его ответ на удивление прост. Он, например, утверждает, что сегодня важнее всего, чтобы «мы, богатые люди, поступились какой-то долей доступной нам роскоши, прекратили перегревать атмосферу Земли и вообще позаботились об этой планете, сохраняя ее пригодной для разумной жизни».

Многие из нас уже и сами пришли к такому выводу. Значение работы Парфита в том, чтобы доказать объективную истинность этого и других моральных утверждений.

Project Syndicate, 13 июня 2011 года

Существует ли моральный прогресс?

По прошествии века, который видел две мировых войны, нацистский холокост, сталинский ГУЛАГ, поля смерти в Камбодже и зверства в Руанде и Дарфуре, верящим в моральный прогресс стало трудно защищать свою позицию. И все же ответ на этот вопрос нельзя сводить к перечислению крайних случаев аморальности.

В этом году мы отмечаем 60 лет Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН. Декларация родилась как отклик на преступления, совершенные во время Второй мировой войны, и ее задача – провозгласить основные права, единые для всех, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии и иных различий. Так что, наверное, есть смысл оценивать моральный прогресс по тому, как далеко мы продвинулись в борьбе с расизмом и сексизмом. Узнать, насколько меньше их стало в реальной жизни, – задача не из простых. И все же недавние опросы на WorldPublicOpinion.org проливают свет на эту проблему, хотя и косвенно.

Опрос охватил около 15 000 респондентов и проводился в 16 странах мира, представляющих 58 % населения Земли: в Азербайджане, Великобритании, Египте, Индии, Индонезии, Иране, Китае, Мексике, Нигерии, на Палестинских территориях, в России, США, Турции, Украине, Франции и Южной Корее. В 11 из этих стран большинство утверждает, что на протяжении их жизни равноправные отношения с представителями других рас и народов распространились шире.

Так считают в среднем 59 % опрошенных, при этом только 19 % думают, что равноправия стало меньше, а 20 % – что ничего не изменилось. Особенно много тех, кто полагает, что равноправие стало ощутимее, среди жителей США, Индонезии, Китая, Ирана и Великобритании. Палестинцы – единственный народ, где большинство говорило об ухудшении ситуации с равноправием лиц разной национальности, а в Нигерии, Украине, Азербайджане и России мнения разделились примерно поровну.

Еще более наглядно преобладание – до 71 % – тех, кто отмечает рост равноправия женщин. Исключением вновь стали Палестинские территории, к которым на этот раз присоединилась Нигерия. В России, Украине и Азербайджане значительное меньшинство утверждает, что сейчас к женщинам относятся хуже, чем прежде. Хотя в Индии 53 % респондентов находят, что женщины добились большего равноправия, только 14 % заявляют, что у женщин сегодня больше прав, чем у мужчин! (Видимо, имеются в виду те из женщин, которых не вынудили сделать аборт после того, как пренатальное обследование установило, что плод – не мужского пола.)

Скорее всего, мнения опрошенных отражают реальные сдвиги в сознании и служат, таким образом, признаком морального прогресса и движения к такому миру, где людям не отказывают в правах на основании их расы, национальности или пола. Это подтверждается и самым ярким результатом опроса: большой долей тех, кто осуждает неравноправие по расовому, национальному или гендерному признаку. В среднем 90 % опрошенных сказали, что считают важным принцип равноправия людей разных рас и национальностей, доля же тех, кто готов сказать обратное, ни в одной из стран не превышает 13 %.

Женское равноправие пользуется почти такой же поддержкой: в среднем его считают важным 86 %. Что интересно, эту точку зрения разделяет большинство и в мусульманских странах. Например, в Египте расовое и национальное равноправие считают важным 97 %, а женское – 90 %. В Иране эти цифры составляют соответственно 82 % и 78 %.

По сравнению с показателями, полученными всего за десять лет до принятия Всеобщей декларации прав человека, позиция людей заметно изменилась. Тогда равноправие женщин – не только право голоса, но и возможность работать вне дома или жить самостоятельно – во

многих странах еще воспринималось как крайность. В Германии и на американском Юге преобладал откровенный расизм, а большинство населения Земли проживало в колониях, управляемых европейскими властями. Сегодня, несмотря на то, что произошло в Руанде и бывшей Югославии и что едва не случилось после недавних неоднозначных выборов в Кении, – ни одна страна не поддерживает расистскую доктрину в открытую.

К сожалению, этого нельзя сказать о равных правах для женщин. В Саудовской Аравии женщинам нельзя даже водить машину, не говоря о том, чтобы голосовать. И во многих других странах, что бы там ни утверждалось о гендерном равноправии на словах, в действительности женщинам до него еще далеко.

Это значит, что исследование, на которое я ссылаюсь, свидетельствует о распространенности скорее лицемерия, чем равенства прав. И все же лицемерие – дань, которую порок платит добродетели, и то, что расисты и сексисты вынуждены ее сегодня платить, – признак некоторого морального прогресса.

Слова влекут последствия: что одно поколение провозгласило для красного словца, другое воспримет всерьез и начнет воплощать на деле. Если общество принимает какую-то идею – это само по себе прогресс, а главное, дает рычаги, благодаря которым прогресс способен принять и более вещественную форму. Поэтому результаты опроса мы можем только приветствовать как положительные, укрепляющие нашу решимость сокращать разрыв между риторикой и реальностью.

Project Syndicate, 14 апреля 2008 года

И снова о Боге и страдании

Консервативный обозреватель Динеш Д'Суза считает своим миссионерским долгом вызывать атеистов на диспуты о существовании Бога. Он уже бросил вызов всем серьезным собеседникам, каких только знает, и успел поспорить с Дэниелом Деннетом, Кристофером Хитченсом и Майклом Шермером. Я тоже принял его приглашение, и наш диспут состоялся в университете Biola. Biola – сокращение от Bible Institute of Los Angeles (Библейский институт Лос-Анджелеса). Сами понимаете, как большинство в аудитории относилось к религии.

Поскольку мне предстояло полемизировать с опытным и, безусловно, очень умным оппонентом, я решил заручиться позицией попроче. Я сказал, что не готов оспаривать существование Божества вообще, но с уверенностью утверждаю, что окружающий нас мир не создан всемогущим, всеведущим и всеблагим Богом. Христиане считают, что как раз в таком мире мы и живем, хотя причины сомневаться в этом мы видим на каждом шагу: слишком много вокруг боли и страданий. Если Бог всеведущ, он знает, как их много. Если он всемогущ, мог бы создать и мир, в котором страдали бы меньше. Если он всеблаг, то, конечно, именно такой мир бы и создал.

Христиане обычно возражают, что Бог наделил нас свободой воли и потому не в ответе за причиняемое нами зло. Но такое возражение ничего не говорит о страданиях тех, кто утонул при наводнении, сгорел в лесном пожаре, случившемся от удара молнии, или во время засухи умер от голода и жажды.

Иногда христиане объясняют эти страдания тем, что все люди грешны и получают по заслугам, даже когда их судьба ужасна. Но младенцы и маленькие дети не меньше взрослых страдают от природных катаклизмов, а уж они-то вряд ли заслужили боль и смерть. Согласно традиционной христианской доктрине, они потомки Евы, а следовательно, наследники первородного греха своей праматери, нарушившей приказ Бога не есть плодов с древа познания. Идея, отталкивающая втрое: во-первых, из нее следует, что познание – это плохо, во-вторых, что послушаться Бога – худший из грехов, и в-третьих, что дети отвечают за грехи своих предков и несут за них заслуженное наказание.

Но даже если и так, все равно это ничего не объясняет. Люди – не единственные жертвы наводнений, пожаров и засух. Страдают и животные, а уж они-то точно не наследники первородного греха, потому что не произошли от Адама и Евы. Во времена, когда первородный грех воспринимали серьезнее, чем сейчас, страдания животных представляли для мыслящего христианина особо сложную проблему. Французский философ XVII века Рене Декарт решал ее радикально, в принципе отрицая, что животное способно страдать. По Декарту, животное – это не более чем хитроумный механизм, так что его сопротивление насилию говорят о его страдании не больше, чем звон будильника – о разумности последнего. Но такой довод не убедит ни одного человека, у которого есть кошка или собака.

При всем своем опыте полемики с атеистами, Д'Суза, как ни странно, затруднился предложить убедительное решение вопроса. Сначала он сказал, что, поскольку люди предназначены к жизни вечной на небесах, страдания в этом мире не так важны, как если бы только этим миром наша жизнь и ограничивалась. Но это никак не объясняет, почему всемогущий и всеблагый Бог допускает страдание. Какой бы мелочью оно ни было перед лицом вечности, в мире все-таки слишком много боли, без которой по большей части лучше было бы обойтись. (Некоторые считают, что немного пострадать полезно, чтобы понять, что такое счастье. Может, и так, но я уверен, что хватило бы дозы поменьше.)

Далее Д'Суза заявил, что, поскольку Бог дал нам жизнь, мы не вправе жаловаться на ее несовершенство. Например, человек может родиться без одной из конечностей. Поскольку жизнь сама по себе дар, сказал он, мы ничего не теряем, получая меньше, чем нам бы хотелось.

На это я ответил, что мы осуждаем матерей, которые вредят плоду, употребляя алкоголь или кокаин во время беременности. Но, по логике Д'Сузы, если в итоге они все-таки дадут ребенку жизнь, в том, что они делали, не было никакого вреда.

В конце концов, как и большинство христиан под давлением аргументов, Д'Суза укрылся за тезисом о том, что не наше дело – понимать, почему Бог создал мир таким, а не другим. По сравнению с бесконечной божьей мудростью наш разум так же бессилен, как если бы муравей пытался понять логику человеческих решений. (В более поэтичной форме тот же довод встречается в Книге Иова.) Но если так пренебрегать своей способностью к суждению, то с равным успехом можно верить во что угодно.

Более того, идея ничтожности нашего разума по сравнению с божественным основана как раз на том тезисе, о котором мы спорим: о всесии, всеблагости и бесконечной мудрости Бога. То, что мы видим собственными глазами, свидетельствует скорее в пользу предположения, что никакой Бог не создавал этот мир. Если же мир все-таки сотворен создателем, то такой создатель явно не всемогущ и не всеблаг. Либо он бесчеловечно жесток, либо ни на что хорошее не способен.

Free Inquiry, октябрь/ноябрь 2008 года

Мораль без Бога (в соавторстве с Марком Хаузером)

Нужна ли морали религия? Многим отрицание религиозного происхождения морали кажется возмутительным и даже кощунственным. Они убеждены, что наше нравственное чувство либо вложено в нас неким божеством, либо почерпнуто из какого-то религиозного учения. В любом случае религия необходима, чтобы обуздать пороки, присущие нам от природы. Перефразируя Кэтрин Хепбёрн в фильме «Африканская королева», религия позволила нам подняться над безнравственной матушкой-природой, снабдив моральным компасом.

Но вера в то, что мораль исходит от Бога, порождает ряд проблем. Прежде всего, мы не можем, не впадая в тавтологию, одновременно заявлять и что Бог есть добро, и что он дал нам способность различать добро и зло. Это бы просто означало, что Бог соответствует собственным стандартам божественного.

Вторая проблема состоит в том, что нет такого морального принципа, который бы разделяли все верующие независимо от своей конфессиональной принадлежности, а агностики и атеисты бы не разделяли. В реальности атеисты и агностики ведут себя не менее нравственно, чем верующие, хотя их добродетель основана на других принципах. Что такое хорошо, а что такое плохо, неверующие чувствуют так же остро, как все остальные; им довелось участвовать и в отмене рабства, и в других инициативах, облегчающих человеческое страдание.

Верно и обратное. От приказа Бога Моисею истребить мадианитян – мужчин и женщин, мальчиков и девочек, не сохранивших девственность, – и далее, от Крестовых походов, инквизиции, бесконечных войн между мусульманами-суннитами и мусульманами-шиитами до террористов-смертников, уверенных, что мученичество ведет их в рай, религия вовлекала и продолжает вовлекать людей в долгую череду чудовищных преступлений.

Третья проблема представления о морали, уходящей корнями в религию, – в том, что во всех крупнейших мировых религиях, несмотря на определенные доктринальные различия, есть некие универсальные моральные составляющие. Их можно обнаружить даже в Китае, где религия не так важна, как философия, например конфуцианство.

Может, конечно, эти универсальные элементы и вручил нам некий божественный создатель в момент творения, но альтернативное объяснение, согласующееся с биологическими и геологическими данными, заключается в том, что на протяжении миллионов лет у нас развивалась некая моральная способность, а на ее основе – интуитивное ощущение правильного и неправильного. Исследования в области когнитивных наук, опирающиеся на теоретическую базу, восходящую к философии морали, впервые позволяют решить старинный спор о происхождении и природе нравственности.

Рассмотрим три ситуации. В каждом случае вставьте вместо пропуска слово «обязательно», «допустимо» или «запрещено».

1. Неуправляемый товарный вагон вот-вот переедет пятерых человек, идущих по рельсам. Железнодорожный рабочий стоит у рычага перевода стрелок, которым он может направить вагон на другой путь, где вагон убьет только одного, а те пятеро выживут. Перевести стрелку _____.

2. Вы идете мимо мелкого пруда, где тонет маленький ребенок, больше кругом никого нет. Если вы вытащите девочку, она выживет, но ваши штаны будут безнадежно испорчены. Вытащить ребенка _____.

3. Пять человек доставлены в больницу по скорой в критическом состоянии, каждому, чтобы он выжил, нужно пересадить один орган, всем разные. Времени заказывать органы для пересадки нет, но в приемном покое дожидается здоровый человек. Если врач возьмет необхо-

димые органы у него, этот здоровый человек умрет, но пятеро в реанимации выживут. Забрать органы у здорового человека _____.

Если в случае 1 вы написали «допустимо», в случае 2 «обязательно», а в случае 3 – «запрещено», то рассудили как и 1500 других участников опроса со всего мира, которые решали эти дилеммы у нас на сайте (<http://moral.wjh.harvard.edu/>), проходя тест, посвященный нравственному чувству. Если мораль происходит из божьих заповедей, атеисты должны решать дилеммы иначе, чем верующие, и иначе объяснять свой выбор.

Например, поскольку предполагается, что у атеистов отсутствует моральный компас, они должны руководствоваться чистым эгоизмом и пройти мимо тонущего ребенка. Но никакой статистически значимой разницы между ответами неверующих и верующих нет: примерно 90 % считают, что перевести вагон на другой путь можно, 97 % – что спасти ребенка необходимо, и 97 % – что забирать органы у здорового человека нельзя.

Когда участников просили объяснить, почему они оценивают одни действия как допустимые, а другие – как запрещенные, они либо затруднялись с ответом, либо давали объяснения, не относящиеся к делу, причем, что важно, верующие и атеисты в равной мере.

Эти исследования эмпирически подтверждают, что, наряду с другими способностями сознания, такими как языковая или математическая, у нас есть и нравственная способность, которая руководит нашим интуитивным различением добра и зла. Этот интуитивный выбор – результат миллионов лет, которые наши предки прожили как социальные животные, и часть нашего общего наследия.

Наша интуиция, развивавшаяся эволюционным путем, не гарантирует нам правильных или логичных решений моральных дилемм. Что было хорошо для предков, сегодня может оказаться уже не так хорошо. Но чтобы ориентироваться в меняющемся моральном ландшафте, где на первый план выходят такие вопросы, как права животных, аборт, эвтаназия и помощь развивающимся странам, нужна не религия, а тщательное изучение человеческой природы и того, что мы зовем хорошо прожитой жизнью.

Поэтому нам необходимо иметь представление об универсальном наборе интуитивно воспринимаемых моральных принципов, которые мы вправе обдумывать и, приняв решение, поступать вопреки им. Это не будет кощунством, поскольку источник нашей нравственности – не Бог, а наша собственная природа.

Project Syndicate, 4 января 2006 года

Готовы ли мы к «моральной таблетке»? (в соавторстве с Агатой Саган)

В октябре прошлого года в Фошане (Китай) грузовик сбил двухлетнюю девочку. Водитель не остановился. За следующие семь минут мимо травмированного ребенка прошли или проехали на велосипеде больше десятка человек. Потом ее переехал еще один грузовик. Наконец какая-то женщина оттащила ее на обочину дороги, потом пришла мать. Ребенок умер в больнице. Все случившееся запечатлела видеокамера, запись появилась в интернете и на телевидении и вызвала бурю негодования. Аналогичный эпизод произошел в 2004 году в Лондоне, случилось такое и в других местах, там, где видеокамер нет.

Тем не менее люди способны поступать, и часто поступают, совсем иначе.

Если поискать в сети новости по словам «герой спас», мы увидим множество историй о том, как случайные люди, оказавшиеся на месте происшествия, рисковали жизнью перед несущимся поездом, в бурных реках и в огне пожаров, спасая попавших в беду незнакомцев. Практически повсюду наряду с прямо противоположными мы встречаем примеры поступков, продиктованных исключительным великодушием, чувством долга и сострадания.

Почему же одни готовы рисковать жизнью, чтобы помочь постороннему человеку, а другие даже не остановятся, чтобы позвонить в скорую?

Ученые десятилетиями ищут ответ на этот вопрос. В 1960-х и в начале 1970-х годов широко известные эксперименты Стенли Милгрэма и Филипа Зимбардо позволили сделать вывод, что большинство из нас при определенных обстоятельствах способны добровольно причинять страдания невинным. В те же годы Джон Дарли и С. Дэниел Бэтсон продемонстрировали, что даже некоторые студенты семинарии, идущие читать доклад по притче о добром самаритянине, если сказать им, что они опаздывают, пробегут мимо незнакомца, который лежит у дороги и стонет. Современные исследования вооружили нас знаниями о том, что происходит с человеческим мозгом в момент морального выбора. Но насколько все это приближает к пониманию того, чем определяется наше моральное или аморальное поведение?

В большинстве дискуссий по поводу этих экспериментов игнорируется одна важная деталь: все-таки были и те, кто поступал правильно. Недавний эксперимент (хотя мы не уверены в его этичности), проведенный в Университете Чикаго, возможно, проливает свет на вопрос «почему?».

Из двух крыс, содержащихся в одной клетке, одну помещали в трубу-ловушку, которая открывалась только снаружи. Незапертая крыса обычно пыталась открыть дверцу ловушки, и рано или поздно ей это удавалось. Даже когда ей давали возможность, прежде чем освободить пленницу, съесть всю порцию шоколада, в большинстве случаев она предпочитала заняться освобождением товарища по клетке. Исследователи считают, что доказали способность крыс к эмпатии. Но если так, они доказали еще и то, что эта способность индивидуальна для каждого конкретного животного, ведь запертого товарища освободили только 23 из 30 крыс.

Возможно, причины такого разного поведения кроются в самих животных. Скорее всего, люди, как и крысы, распределяются по шкале готовности помогать другим. Чаще всего исследователи занимаются теми, чье поведение выходит за рамки нормы, например психопатами, но необходимо изучать также и довольно регулярные (возможно, генетически обусловленные) различия в поведении огромного нормального большинства.

Безусловно, колоссальное значение может иметь ситуация, а также нравственные убеждения, но если люди предрасположены поступать морально в разной степени, им нужно больше знать про эту разницу. Лишь тогда следует рассчитывать на адекватное понимание нашего морального поведения, в том числе и того, почему оно различается у разных людей и можно ли на это как-то повлиять.

Если в ходе новейших исследований мозга обнаружится, что между мозгом тех, кто приходит на помощь, и тех, кто проходит мимо, действительно существуют биохимические различия, не позволит ли это нам создать некую «моральную таблетку», которая сделает нас более отзывчивыми? С учетом многих других исследований, которые связали биохимический фактор с настроением и поведением, и последовавшей за ними активной разработкой соответствующих препаратов, идея не такая уж безумная. Но захотят ли люди ее принять? Стоит ли предоставлять преступникам выбор между тюрьмой и, например, вживлением в мозг импланта, выделяющего препарат, который сделает их безопаснее для окружающих? Пожелают ли правительства обследовать население, чтобы обнаружить тех, кто больше других предрасположен к преступлениям? Что, если такой препарат станут предлагать людям, находящимся в группе риска, а в случае отказа обяжут носить устройство, позволяющее отслеживать их местонахождение, чтобы они знали – если совершат преступление, то будут пойманы?

Полвека назад Энтони Бёрджесс написал «Заводной апельсин», футуристический роман о вконец испорченном главаре банды, который подвергается процедуре, лишаящей его способности к насилию. Экранизация Стенли Кубрика (1971) вызвала горячие дискуссии, многие доказывали, что лишение человека свободы выбора не имеет оправданий, каким бы жестоким ни было предотвращаемое таким образом насилие. Несомненно, те же возражения вызовет идея создать «моральную таблетку».

Но если химические процессы у нас в мозгу влияют на моральность или аморальность нашего поведения, вопрос о том, как поддерживать их в равновесии – естественным путем или с помощью медицины, – не имеет отношения к свободе наших действий. Если между нами уже сейчас есть биохимические различия, позволяющие предсказать этичность поведения, то либо эти различия совместимы со свободой воли, либо свидетельствуют, что по крайней мере в области этического выбора никакой свободы воли никогда ни у кого нет и не было. В любом случае, со свободной волей или без нее, уже совсем скоро мы можем столкнуться с необходимостью решать, каким из способов намерены менять человеческое поведение к лучшему.

The New York Times, 28 января 2012 года

Способность к милосердию

Недавнее освобождение из тюрьмы Абдельбасета Али аль-Меграхи, единственного, кто понес наказание в связи со взрывом «боинга», летевшего рейсом 103 Pan American над Локерби (Шотландия, 1988), вызвало взрыв негодования. Примерно тогда же американская футбольная команда «Филадельфия Иглз» дала второй шанс своей бывшей звезде, Майклу Вику, осужденному за проведение собачьих боев, в которых менее везучих бойцов истязали и убивали. А Уильям Келли, командир взвода, уничтожившего в 1968 году сотни мирных жителей вьетнамской деревенской общины Милай, нарушил многолетнее медиа-молчание и принес извинения за то, что сделал.

Кого прощать и когда проявлять милосердие к преступникам? Во многих обществах на преступления, связанные с жестоким обращением с животными, смотрят сквозь пальцы, но приговор Вику – 23 месяца тюрьмы – был довольно суровым. Вдобавок к тюремному сроку Вик терял два года футбольной карьеры и миллионы долларов заработка. Если бы в дальнейшем ему не удалось вернуться в футбол, он понес бы наказание гораздо более тяжелое, чем назначил суд.

Вик говорил, что раскаивается. И, что еще важнее, подкреплял свои слова делом: волонтерствовал в приюте для животных и сотрудничал с американским Обществом защиты животных, боровшимся против собачьих боев. Трудно представить, что хорошего было бы в том, чтобы не дать ему полностью реабилитироваться и вернуться к делу, которое он умеет делать лучше всего.

Меграхи был осужден за убийство 270 человек и приговорен к пожизненному заключению. Он провел в тюрьме всего семь лет, когда Кенни Макаскилл, министр юстиции Шотландии, освободил его из соображений гуманности на основании медицинского заключения – Меграхи страдал раком в терминальной стадии, и ему оставалось жить не более трех месяцев. Вопрос о раскаянии не поднимался, потому что Меграхи так и не признал себя виновным и не прекращал подавать заявления о пересмотре приговора вплоть до выхода из тюрьмы.

Некоторые сомневались, действительно ли Меграхи так близок к смерти. О трех месяцах жизни говорил, судя по всему, только тюремный врач, в то время как еще четыре специалиста не брались оценить, сколько ему осталось. Кроме того, освобождение Меграхи связывали с переговорами по нефтяным сделкам между Британией и Ливией. Наконец, некоторые сомневались, что преступление совершил именно он, что тоже могло повлиять на решение Макаскилла (хотя в этом случае лучше было бы предоставить решение суду).

Оставим пока в стороне эти вопросы. Допустим, что Меграхи был виновен и освобожден потому, что ему недолго оставалось жить. Служит ли смертельная болезнь заключенного достаточным основанием для его освобождения из соображений гуманности?

Ответ, вероятно, зависит от характера преступления, продолжительности тюремного срока и того, какая его часть еще не отбыта. В отношении карманника, получившего два года и отсидевшего из них половину, было бы жестоко настаивать на отбытии полного срока, если это обрекает заключенного на смерть в тюрьме вдали от родных. Но освобождение пожизненно осужденного за массовое убийство, отбывшего всего семь лет наказания, – совершенно другое дело. Как отмечали родственники жертв, Меграхи не проявил гуманности, планируя свое преступление. Почему же надо проявлять гуманность к нему?

Выступая перед парламентом Шотландии в защиту своего решения, Макаскилл не стал цитировать самую известную в английской литературе речь о милосердии – монолог Порции из шекспировского «Венецианского купца», который хорошо передал бы суть сказанного им. Порция признает, что Шейлок не обязан проявлять милосердие к Антонио, нарушившему условия уговора.

«Не действует по принуждению милость, – говорит она Шейлоку, – как теплый дождь, она спадает с неба».¹ Иными словами, нельзя предписать милосердие или обязать к нему. Макаскилл признает, что Меграхи не проявил милосердия, но верно замечает, что само по себе это не причина отказывать в милосердии ему в его последние дни. Затем он апеллирует к понятиям гуманности, сострадания и милосердия как к установкам, «по которым мы пытаемся жить», и доказывает, что его решение находится в согласии с ценностями шотландцев.

Можно, и не без оснований, не соглашаться с решением Макаскилла, но следует признать, что, если у него не было никаких скрытых причин, им двигала одна из прекраснейших добродетелей, на какую только мы способны. И если считать, что Меграхи понес недостаточное наказание за свои преступления, то как относиться к тому, что произошло с бывшим лейтенантом Уильямом Келли?

В 1971 году Келли был осужден за убийство «не менее 22 вьетнамских гражданских лиц не установленного возраста и пола». Он также был признан виновным в акте насилия с намерением убить вьетнамского ребенка. Но спустя три дня – да, именно дня! – после его заключения президент Ричард Никсон распорядился, чтобы его освободили из тюрьмы и позволили отбывать срок в комфортабельном доме с двумя спальнями. Он жил там с подругой и штатными помощниками. Через три года даже и эти ограничения свободы были сняты.

Келли всегда утверждал, что действовал согласно приказам. Капитан Эрнест Медина, его непосредственный командир, приказал сжечь деревню и отравить в ней колодцы, но нет доказательств, что имели место приказы убивать гражданское население, – и, конечно, если такие приказы отдавались, нельзя было их выполнять (Медину оправдали по обвинению в убийстве).

Недавно шестидесятишестилетний Келли, до того десятки лет отказывавшийся от публичных комментариев, сказал, что не было дня, когда бы он не ощущал раскаяния «за случившееся в Милай». Встает вопрос, насколько более склонны простить Келли родственники убитых в Милай, чем родственники жертв в Локерби – простить Меграхи.

Project Syndicate, 31 августа 2009 года

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Думая о мертвых

Только что я опубликовал книгу о моем дед по матери Давиде Оппенгейме. Житель Вены еврейского происхождения, он входил в круг Зигмунда Фрейда, а позднее – Альфреда Адлера. Хотя дед всю жизнь интересовался исследованиями человеческой психики, угрозу нацизма он недооценил и не успел покинуть Австрию до ее аннексии Германией. Депортированный в перенаселенное, голодающее гетто Терезиенштадта, там он вскоре и умер. К счастью, мои родители покинули Вену вовремя. Им удалось уехать в Австралию, где после войны родился я.

От деда сохранилось много писем и заметок. В одной из них он задается вопросом: что такое хорошая жизнь? Специалист по классической филологии, Давид Оппенгейм рассматривает этот вопрос в контексте античного текста, отрывка из первого тома Геродота, где говорится о поездке Солона, мудрого афинского законодателя, к легендарно богатому царю Лидии Крезу. Устроив для Солона увеселения и услышав о его путешествиях, Крез спрашивает его: «Кого из виденных тобой людей ты назовешь самым счастливым?» Он ожидает услышать о себе, счастливейшем из всех, – богатейшем из правителей самого великого и многочисленного народа, но Солон разочаровывает его, назвав афинянина по имени Теллус. Озадаченный, Крез желает знать причины такого выбора, поэтому Солон рассказывает о ключевых моментах жизни Теллуса. Он был достаточно богат, жил в процветающем городе, вырастил прекрасных сыновей и от каждого из них дождался внуков. Он умер славной смертью, пал в бою в тот самый миг, когда враг был обращен в бегство. Афиняне оказали ему высочайшую посмертную честь, торжественно похоронив на том месте, где он погиб.

Дед извлекает из этой истории суть – представление Солона о счастливой жизни, которое складывается из десяти составляющих:

1. Мирное время в процветающей стране.
2. Жизнь достаточно долгая, чтобы увидеть третье поколение.
3. Нерастроченная мужская доблесть.
4. Приличный достаток.
5. Хорошо воспитанные дети.
6. Уверенность в продолжении рода через многочисленных здоровых внуков.
7. Быстрая смерть.
8. Победоносная демонстрация силы.
9. Торжественные похороны.
10. Имя, увековеченное в памяти граждан.

Два последних пункта свидетельствуют, что для Солона качество жизни человека зависит и от того, что с ним происходит после смерти: как его похоронят и как будут вспоминать. Но не потому, что Солон верил, будто после смерти можно откуда-то сверху посмотреть, по какому разряду тебе устроили похороны. Нет оснований приписывать Солону веру в какую бы то ни было загробную жизнь, а я безусловно в нее не верю. Но всегда ли скептическое отношение к загробной жизни равно уверенности, что, когда жизнь окончена, сделать ее лучше или хуже уже невозможно?

Размышляя об этом, я колеблюсь между двумя взаимоисключающими позициями: либо для нас имеет значение только то, что воздействует на наше сознание, то есть то, что мы так или иначе переживаем сами, либо удовлетворение наших предпочтений имеет значение независимо от того, узнаем ли мы о нем, более того – независимо от того, произойдет ли оно при нашей жизни. Первый взгляд, которого придерживаются классические утилитаристы вроде

Иеремии Бентама, более прямолинеен, и некоторые его аспекты легче защищать с философских позиций. Но представим себе такую ситуацию. Год назад ваша коллега по университетской кафедре узнала, что у нее рак и ей осталось жить не больше года. После такого известия она берет отпуск за свой счет и целый год пишет книгу, вобравшую в себя идеи, над которыми она работала все десять лет вашего знакомства. Наконец этот изнурительный труд завершен. На пороге смерти она приглашает вас к себе и вручает распечатанный текст. «Хочу, – говорит она, – оставить по себе такую память. Пожалуйста, найди издателя для моей книги».

Вы поздравляете ее с окончанием работы. Она утомлена и слаба, но, очевидно, довольна, что передала дело в ваши руки. Вы прощаетесь. На следующий день вам звонят, чтобы сообщить, что ваша коллега умерла во сне вскоре после вашего ухода. Вы читаете рукопись. Она, безусловно, годится для публикации, но ничего эпохального собой не представляет. «Какой смысл? – думаете вы. – В самом деле, кому нужен очередной том по этой теме? Она умерла и в любом случае не увидит выхода книги». И вместо того чтобы послать рукопись издателю, вы бросаете ее в мусорный бак.

Плох ли этот поступок? Точнее говоря, причинили ли вы коллеге вред? Стала ли ее жизнь в каком-то смысле хуже, чем была бы, если бы вы отдали книгу в издательство, чтобы она вышла и привлекла ровно столько внимания, сколько и другие добросовестные, но не прорывные научные труды? Если вы скажете «да, станет», значит, то, что мы делаем после смерти человека, может влиять на качество прожитой им жизни.

Работа над книгой про деда вынудила меня задуматься: что заставляет меня верить, будто, читая его работы и открывая его жизнь и мысли широкой аудитории, я делаю что-то нужное *для него*, хотя бы слегка исправляя зло, причиненное ему нацизмом? Понятно, что любой дед хочет, чтобы внуки его помнили, любой ученый или автор – чтобы и после смерти его читали. Возможно, это особенно верно, если он умер, гонимый диктатурой, которая стремилась подавить дорогую ему либеральную, космополитическую мысль и уничтожить само его племя. Так не подкрепляют ли мои раздумья изложенный Солоном принцип: «От происходящего после смерти тоже зависит, насколько хорошо прожита жизнь»? Чтобы ответить на этот вопрос утвердительно, совершенно не обязательно верить в «жизнь после смерти».

Free Inquiry, лето 2003 года

Почему мы не спешим стать последним поколением?

Вы когда-нибудь решали, заводить ли ребенка? Если да, что вы принимали при этом в расчет? Может быть, взвешивали, станет ли от этого лучше вам, партнеру, близким будущего ребенка людям – например, другим вашим детям или вашим родителям? Обычно, принимая подобное решение, в первую очередь задаются именно этими вопросами. Некоторые, наверное, задумываются, правильно ли будет увеличивать нагрузку на окружающую среду, пополняя без малого семимиллиардное население Земли. Но мало кто ставит вопрос так: а нужно ли самому ребенку появляться на свет? Об этом обычно вспоминают, только если существует вероятность, что жизнь ребенка будет особенно трудной. Например, если он рискует родиться с тяжелым наследственным заболеванием, физическим или психическим, которое невозможно диагностировать во время беременности.

Все это наводит на мысль, что не следует давать жизнь детям, у которых мало шансов жить долго и счастливо. Но даже если у ребенка есть все основания надеяться на хорошую жизнь, это еще не значит, что вам стоит его заводить. Асимметрия, как называют это явление философы, крайне трудна для анализа. Поэтому, вместо того, чтобы перечислять самые распространенные объяснения и разбирать их слабые места, я лучше обозначу одну родственную асимметрии проблему. Насколько хороша должна быть жизнь, чтобы имело смысл давать ее детям? Достаточно ли – для однозначного «да» – такого уровня жизни, как у большей части населения развитых стран, даже если нет угрозы тяжелых наследственных заболеваний и других проблем?

Немецкий философ XIX века Артур Шопенгауэр считал, что и самая лучшая человеческая жизнь, какую только можно себе представить, состоит из неудовлетворенных желаний. Радость от их исполнения мимолетна: новые желания тут же влекут нас к новым бесплодным усилиям, и так снова и снова, по замкнутому кругу.

Последние лет двести мало кто разделял шопенгауэровский пессимизм, но недавно у него появился сторонник в лице философа из ЮАР Дэвида Бенатара, автора тонкой и умной книги с интригующим названием «Лучше было бы не родиться: о вреде появления на свет» (*Better Never to Have Been: The Harm of Coming into Existence*). Один из доводов Бенатара основывается на явлении сродни упомянутой выше асимметрии. Когда на свет появляется человек, которому предстоит страдать, утверждает Бенатар, это причиняет ему вред, в то время как тому, кого ждет благополучная жизнь, рождение не приносит пользы. Мы вряд ли назовем правильным поступок, обрекающий невинного ребенка на муки, будь то даже единственный способ дать жизнь другим детям. Но страдать так или иначе предстоит всем, и, продолжая воспроизводить свой биологический вид, мы можем с уверенностью утверждать, что некоторым из будущих детей предстоит страдать много и тяжело. Отсюда следует, что продолжение человеческого рода некоторым причинит серьезный вред и никому не принесет пользы.

Большую часть жизни мы проводим в погоне за ускользающей целью, и случайные радости – большее, на что может рассчитывать основная масса людей, – не стоят этой долгой и мучительной борьбы. Если нас это устраивает, то, по мнению Бенатара, только потому, что мы жертвы иллюзии, известной как «принцип Поллианны».² Вероятно, способность к этой иллюзии помогала нашим предкам выжить, и все же это только иллюзия. Будь мы способны увидеть свою конкретную жизнь в объективном свете, никому бы такого не пожелали.

² Принцип Поллианны – склонность людей соглашаться с положительными утверждениями, которые относятся к ним самим. Назван по имени Поллианны, героини одноименного романа Элеанор Портер, – девочки, умевшей даже в неприятных событиях находить повод для радости. – *Прим. ред.*

Вот мысленный эксперимент, чтобы оценить, насколько вам близка эта позиция. Большинство мыслящих людей чрезвычайно озабочены изменением климата. Некоторые отказываются от мяса или прекращают летать в отпуск самолетом, чтобы уменьшить свой вклад в выбросы парниковых газов. Но те, кто сильнее всего пострадает от климатических изменений, еще не зачаты. Если бы не будущие поколения, чувство вины мучило бы нас гораздо меньше.

Так почему же мы не стремимся стать последним поколением людей на планете? Добровольная стерилизация не потребовала бы никаких лишений: прежде чем исчезнуть с лица земли, мы бы до конца своих дней жили в полное удовольствие.

Конечно, в реальном мире тотальная добровольная стерилизация невозможна, но представьте себе, что это осуществимо. Что плохого в таком сценарии? Даже если не разделять пессимизм Бенатара, подобный поворот событий сулит много выгод. Хотя бы такую: нам от этого будет только лучше.

Мы избавимся от угрызений совести за трудности, которые создаем будущим поколениям, и никому не станет хуже – тех, кому могло бы стать хуже, просто нет на свете.

Какой мир лучше, с людьми или без людей? Не будем сейчас о том, что мы творим с другими биологическими видами, – это тема отдельного разговора.

Договоримся, что мы выбираем между миром как он есть и миром без разумных существ. Договоримся еще об условии довольно фантастическом (философам часто приходится так делать): если мы решим, что разумная жизнь в мире должна прекратиться, то все с этим согласятся. Тогда ничьи права не нарушаются, во всяком случае, ничьи из реально живущих сегодня людей. Но имеют ли право на существование те, кого еще нет?

Я твердо убежден, что Вселенная без разумной жизни – неправильный выбор. По моему суждению, для большинства людей жить лучше, чем не жить. Несмотря на все несовершенства сегодняшнего мира, мне хватает оптимизма, чтобы верить: если человечеству удастся протянуть еще столетие-другое, мы извлечем уроки из своих ошибок и построим жизнь, в которой будет гораздо меньше страдания.

Но чтобы обосновать такой выбор, придется снова обратиться к тем глубоким вопросам, с которых я начал. Стоит ли жить? Принимаем ли мы решение дать ребенку жизнь в его интересах? Оправданно ли стремление к продолжению рода, даже если мы точно знаем, что оно приводит к страданиям невинных?

The New York Times, 6 июня 2010 года

Философия на высоте

Прошлогодний отчет Гарвардского университета дает основания для тревоги: доля студентов-гуманитариев, оканчивающих бакалавриат, снизилась в США с 14 до 7 %. Она падает даже в таком престижном университете, как Гарвард, причем в последние годы все быстрее. Заговорили даже о кризисе гуманитарного знания.

Я слишком плохо разбираюсь в гуманитарных науках, чтобы объяснять, почему слабеет приток абитуриентов. Может быть, потому что многие из гуманитарных профессий больше не кажутся началом блестящей (а то и вообще какой-либо) карьеры. Может быть, потому что не каждая гуманитарная наука в силах донести до непосвященных, чем она занимается и почему это важно. Или, может быть, дело не только в неспособности донести, а в том, что некоторые гуманитарные науки, как бы ни было больно это признавать, действительно теряют смысл в нашем стремительно меняющемся мире.

Я перечислил возможные причины, но не выношу суждений о них. Единственная область, в которой я разбираюсь, – моя собственная, философия. Ее практический аспект, а именно – этика, способен внести решающий вклад в полемику по самым острым и неотложным вопросам современности.

Я сам философ, поэтому меня можно заподозрить в некоторой пристрастности. Но, к счастью, в своих выводах я предпочитаю опираться на независимый источник – доклад Института Готлиба Дуттвайлера (GDT), швейцарской экспертной и исследовательской организации.

Недавно Институт Дуттвайлера опубликовал рейтинг ста наиболее влиятельных глобальных мыслителей за 2013 год. В рейтинг вошли экономисты, психологи, писатели, политологи, физики, антропологи, биологи, предприниматели, теологи, медики, представители информационных и некоторых других наук. Но трое из верхней пятерки глобальных мыслителей – философы: Славой Жижек, Дэниел Деннет и я. Есть и четвертый, Юрген Хабермас, которого GDI относит к социологам, но в докладе оговаривается, что с тем же успехом его можно считать философом.

Единственный нефилософ из первой пятерки глобальных мыслителей – Ал Гор. Среди 100 человек, входящих в этот рейтинг, экономистов больше, чем мыслителей из других областей знания, но первый среди экономистов, Николас Стерн, стоит в общем списке только на десятом месте.

Как вышло, что четыре из пяти самых влиятельных мыслителей в мире – представители гуманитарного знания, из них трое – философы? Чтобы это понять, надо посмотреть, по каким критериям Институт Дуттвайлера составляет рейтинг глобальных мыслителей.

Институт Дуттвайлера видит задачу так: назвать «мыслителей и идеи, резонансные в контексте глобальной информационной среды». Информационная среда, откуда получены данные, возможно, и глобальная, но строго англоязычная, что объясняет, почему в списке топ-100 не оказалось ни одного китайского мыслителя. В рейтинг попадают по трем характеристикам: во-первых, кандидат должен быть интеллектуалом по основному роду занятий, во-вторых, быть известным за пределами своей предметной области, и, наконец, оказывать влияние на окружающий мир.

Рейтинг строится по совокупности многочисленных количественных показателей, в том числе по величине аудитории кандидата в соцсетях – его зрителей и подписчиков в Twitter и на YouTube – и количеству ссылок в блогах и вики-пространстве. Результат – возможность определить значимость каждого мыслителя в разных странах и предметных областях: позиция человека в рейтинге тем выше, чем больше о нем говорят и чем шире распространилась начатая им полемика.

Список фамилий, разумеется, из года в год меняется. Впрочем, факт остается фактом: как мы уже упоминали, в 2013 году особо влиятельной в сфере идей оказалась горстка философов.

Подобное не удивило бы афинских правителей, которые считали, что проблем с Сократом хватает на смертный приговор с формулировкой «за развращение юношества». Не станет оно сюрпризом и для тех, кто хорошо знаком с многократными и успешными усилиями по выводу философии на более широкий рынок.

Есть, например, журнал *Philosophy Now* («Философия сегодня») и его аналоги на других языках. Есть подкасты, множество блогов, бесплатные курсы в сети, собирающие десятки тысяч слушателей.

Возможно, интерес к размышлениям о Вселенной и человеческой жизни растет потому, что как минимум для миллиарда жителей нашей планеты вопросы еды, жилья и личной безопасности в общем и целом решены. Это подводит человека к вопросу: а чего еще я хочу, или должен хотеть, от жизни, – это отправная точка для многих направлений философской мысли.

Занятия философией – размышление и рассуждение о ней, а не просто чтение текстов, – развивают нашу способность к критическому мышлению, вооружая нас, таким образом, перед лицом многочисленных вызовов быстро меняющегося мира. Может быть, поэтому многие работодатели ищут сотрудников, у которых были хорошие оценки по философии.

Еще удивительнее – а возможно, и важнее, чем связь философского образования с умением рассуждать, – то, что иногда, записавшись на семинар по философии, человек делает шаг к полной перемене своей жизни. Я знаю по опыту, что учеба способна сделать студента вегетарианцем, подтолкнуть к карьере, которая позволяла бы направлять половину дохода на благотворительность, или даже побудить бесплатно отдать почку незнакомому человеку. Много ли на свете наук, способных на такое?

Project Syndicate, 9 апреля 2014 года

Животные

Этичные евровйца

Сорок лет назад мы, группа студентов, стояли на оживленной улице в Оксфорде и раздавали листовки против содержания кур в клеточных батареях. Большинство прохожих, которые брали наши листовки, не подозревали, что покупают яйца кур, сидящих в таких тесных клетках, что даже одной птице (а в клетках их по четыре) негде расправить крылья. Эти несушки никогда не ступали на нормальную землю и не откладывали яиц в гнездо.

Многие тогда симпатизировали нашему юношескому идеализму, но предупреждали, что порядки в крупной промышленности нам никогда не изменить.

Они ошибались.

В первый день 2012 года содержание несушек в клеточных батареях стало противозаконным не только в Великобритании, но и во всех 27 странах Евросоюза. Клетки использовать по-прежнему разрешено, но только более просторные и оборудованные ящиком-гнездом и шестом, о который птица может почесаться. Месяц назад члены Британского фонда гуманного содержания несушек предоставили новый дом курице, которой они дали имя Liberty (Свобода). Они говорят, что это одна из последних несушек Британии, обитавших в тех клетках, против которых мы когда-то протестовали.

В начале 1970-х, когда современное движение за освобождение животных только зарождалось, против клеточных батарей не выступала ни одна из крупных организаций. Королевское общество защиты животных от жестокого обращения, родоначальник всех зоозащитных организаций, уже давно утратило свой былой радикализм. Оно занималось единичными злоупотреблениями и было не в состоянии бросить вызов недопустимому обращению с животными в тех его формах, которые царили на фермах и в лабораториях. Чтобы встряхнуть Королевское общество с его благодушным отношением к клеточным батареям и другим приемам интенсивного животноводства, понадобились целенаправленные усилия новых радикальных зоозащитников 1970-х.

В конце концов молодому движению за права животных удалось привлечь внимание широкой публики. Потребители откликнулись и стали покупать яйца кур свободного содержания. Некоторые сети супермаркетов вообще прекратили продавать яйца кур, содержащихся в клеточных батареях.

В Великобритании и некоторых европейских странах гуманное обращение с животными стало предметом политики; давление на парламентариев росло. Евросоюз учредил научную комиссию для изучения содержания животных на фермах. Комиссия рекомендовала запретить клеточные батареи, а также некоторые способы обездвиженного содержания свиней и телят. В итоге в 1999 году Евросоюз принял решение о запрете клеточных батарей, но отложил его вступление в силу до 1 января 2012 года, чтобы дать производителям время постепенно вывести из употребления оборудование, в которое они уже вложили средства.

К чести британских производителей яиц, они отнеслись к запрету с пониманием и выработали новые, менее жестокие методы содержания несушек. Но не все страны проявили такую же готовность: считается, что в клеточных батареях в нарушение закона содержится еще до 80 миллионов кур. Впрочем, не менее 300 миллионов птиц, которые были бы обречены на мучительное существование в клеточных батареях, сейчас находятся в гораздо лучших условиях, а от бюрократических структур ЕС настойчиво требуют обеспечить повсеместное соблюдение запрета. Не последнюю роль в этом давлении играют законопослушные производители яиц, уже соблюдающие новые требования.

Запретив клеточные батареи, Европа утверждает в роли мирового лидера в сфере защиты животных. Эту же позицию отражают и принятые здесь ограничения на использование подопытных животных при разработке косметики. Как вышло, что Европа в своей заботе о животных настолько опережает остальные страны?

В США нет федеральных законов, предписывающих производителям яиц соблюдать определенные условия содержания несушек. Но когда до избирателей Калифорнии в 2008 году донесли информацию по этой теме, они подавляющим большинством голосов поддержали предложение обеспечить всех сельскохозяйственных животных таким жизненным пространством, в котором те имели бы возможность полностью выпрямить ноги и повернуться вокруг себя, не натываясь на других животных или на стены. Так что дело, скорее всего, не в равнодушии американцев, а в том, что американская политическая система федерального уровня дает промышленности – источнику финансирования избирательных кампаний – слишком много власти, позволяя игнорировать волю большинства населения.

В Китае, который наряду с США лидирует по числу несушек, содержащихся в клетках, зоозащитное движение только зарождается. В интересах миллиардов сельскохозяйственных животных пожелаем ему быстрого роста и успеха.

Начало нынешнего года – подходящий момент, чтобы отпраздновать одно из важных достижений в области защиты животных – шаг Европы вперед, к обществу более цивилизованному и гуманному, шаг, который доказывает ее заботу обо всех существах, способных страдать. И еще это повод отпраздновать эффективность демократии и силу этической идеи.

Антропологу Маргарет Мид приписывают такие слова: «Без сомнения, небольшим группам неравнодушных, убежденных граждан под силу изменить мир. Точнее, только им это и под силу». С последней частью высказывания можно спорить, но его первая часть безусловно верна. Конец клеточных батарей в Англии – событие менее заметное, чем «арабская весна», но, как и в этом массовом движении, все началось с маленькой группы неравнодушных и убежденных в своей правоте граждан.

Project Syndicate, 17 января 2012 года

Если бы рыбы могли кричать

В детстве отец часто брал меня на прогулки вдоль реки или морского побережья. Мы шли мимо рыбаков, и некоторые сражались с натянутой леской, на конце которой билась на крючке рыба. Однажды я видел, как человек достал из ведра мелкую рыбешку и насадил ее, еще трепещущую, на крючок как наживку.

А еще как-то раз, когда тропинка привела нас к тихой речке, видел я человека, следящего за поплавками, – воплощение покоя и гармонии с миром, – а рядом с ним билась на траве и глотала воздух уже пойманная рыба. Отец сказал, что не понимает, что за радость – провести день, вытаскивая рыбу из воды и бросая ее медленно умирать.

Эти детские воспоминания нахлынули на меня во время чтения первого в своем роде доклада «В море бывает и хуже: жестокое обращение с промысловой рыбой природных водоемов». Доклад опубликован в прошлом месяце на ресурсе fishcount.co.uk. Когда животных убивают ради еды, практически везде в мире принято делать это так, чтобы не причинять им страданий. Бойни по закону обязаны перед забоем лишать животных сознания или же умерщвлять их мгновенно, а если забой имеет ритуальную специфику – настолько быстро, насколько позволяет религиозная доктрина.

Но только не рыбу.

Требования гуманного забоя не распространяются на рыбу, выловленную в природных водоемах, а в большинстве случаев и на рыбу, поступающую на рыбозаводы. Траулеры, вытаскивая сети, просто вываливают пойманную рыбу на палубу и оставляют задыхаться. Существует технология коммерческого лова, так называемый ярусный лов, когда с траулера выпускают лишь 50–100 километров длиной с сотнями, а иногда тысячами крючков с наживкой. Заглотившая наживку рыба, судя по всему, остается в полном сознании все те долгие часы, что ее тащат за траулером, на крючке, проткнувшем ей рот, пока наконец ловцы не выберут лить.

То же происходит при коммерческом лове с использованием жаберных сетей – в их мелкие ячейки рыба попадает, как в ловушку, часто застревая жабрами, и либо сразу задыхается, потому что со стиснутыми жабрами не может дышать, либо остается в таком состоянии часами, пока сеть не вытащат.

Но самое шокирующее в докладе – чудовищные цифры о количестве рыбы, которую человек умерщвляет такими способами. Разделив суммарный тоннаж улова по видам рыбы на средний вес особи, автор доклада Эли-сон Муд получила, возможно впервые, данные об истинном количестве рыбы, вылавливаемой в естественных водоемах мира. По самым скромным оценкам, это около триллиона, но возможно, и больше – до 2,7 триллиона особей.

Чтобы оценить масштаб, скажем, что, по оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в пищевых целях на планете ежегодно убивают 60 миллиардов сухопутных позвоночных животных, то есть по девять на каждого жителя Земли. Если взять за точку отсчета даже нижнюю границу оценки Муд в один триллион, то для рыбы этот показатель будет 150. И это не считая миллиардов рыб, выловленных нелегально, или непромысловых, попавших в сети случайно и позднее выброшенных, а также рыб, выловленных на крючки по технологии ярусного лова.

Многие из этих рыб употребляются в пищу опосредованно – их перерабатывают на корм для птицы на птицефабриках или рыбы на рыбозаводах. Стандартный рыбозавод, где занимаются разведением лосося, потребляет по 3–4 килограмма промысловой рыбы на килограмм выращенного лосося.

Предположим, что весь промысловый улов – восстанавливаемый ресурс (хотя это, конечно, не так). В этом случае хотелось бы верить, что численностью убитых животных можно пренебречь, потому что рыбы не чувствуют боли. Но нервная система рыб так похожа на нервную

систему птиц и млекопитающих, что эта идея не выдерживает критики. Рыба, подобно другим животным, реагирует на болевые раздражители, и изменения в ее поведении могут длиться по нескольку часов. Неспособность рыбы к запоминанию – миф. Рыбы обучаются избегать неприятных ощущений, например электрических разрядов, а обезболивание снижает их поведенческие проявления боли.

Виктория Брейтуэйт, профессор биологии и рыбоводства из Пенсильванского университета, вероятно, работала над этой темой больше всех ученых в мире. Ее последняя книга «Бывает ли рыбам больно?» (Do Fish Feel Pain?) доказывает, что рыбы не только способны чувствовать боль, но и гораздо разумнее, чем принято считать. В прошлом году группа экспертов Евросоюза пришла к выводу, что большинство полученных на сегодня данных свидетельствует о том, что рыбы испытывают боль.

Почему же рыба оказалась безответной жертвой наших appetитов? Просто потому, что она холоднокровная и покрыта чешуей? Или потому, что у нее нет голоса, чтобы кричать от боли? Как бы то ни было, массив накопленных данных говорит за то, что коммерческий лов связан с причинением невероятного количества боли и страданий. Надо учиться гуманно ловить и убивать рыбу природных водоемов – или, если не получится, перестать ее есть, найдя более гуманные и экологически безопасные способы добывания пищи.

Project Syndicate, 13 сентября 2010 года

Культурные предрассудки против китобойного промысла?

Тридцать лет назад австралийские суда, с благословения правительства, промышленно ловили кашалотов у западного побережья Австралии. А месяц назад Австралия возглавила международный протест против решения Японии забить 50 горбатых китов, и Японии под этим давлением пришлось объявить о замораживании своих планов на год или два. Перемены в общественном мнении по поводу забоя китов радикальны и происходят не только в Австралии.

Инициатором протестов против австралийского китобойного промысла был Гринпис. Возглавлять расследование в этой сфере правительство поручило отставному судье Сиднею Фросту. Внес в него свой вклад и я, как неравнодушный австралийский гражданин и профессор философии, специалист по этичному обращению с животными.

Я утверждал, что забой китов должен прекратиться, – не потому, что китовые стали редким видом. Эту позицию было кому защищать: ее поддерживали многочисленные эксперты – экологи и морские биологи. Мой аргумент заключался в том, что киты – социальные млекопитающие с большим мозгом, способные получать от жизни удовольствие и испытывать боль. Причем не только физическую, но и стресс из-за утраты товарища. Кита невозможно забить гуманно, он для этого слишком велик. Даже взрывающимся гарпуном трудно с первого выстрела попасть в нужное место. К тому же использовать много взрывчатки не в интересах китобоев, ведь смысл промысла в том, чтобы получить как можно больше ценных жиров и мяса. Поэтому загарпуненный кит обычно гибнет медленно и мучительно.

Все это делает китобойный промысел весьма сомнительным с точки зрения этики. Будь убийство китов для людей вопросом жизни и смерти, этические претензии к нему, видимо, удалось бы оспорить. Но у нас нет таких насущных нужд, которые можно удовлетворить, только убивая китов. Все, что дает нам китобойный промысел, мы способны получить иными способами и без всякой жестокости. Без крайней необходимости причинять невинному существу страдания дурно, следовательно, китовый промысел неэтичен.

Фрост согласился с этим. Без тени сомнения он оценил методы убийства китов как негуманные и даже, по его собственным словам, «чудовищные». Он отметил, что, «вполне вероятно, мы имеем дело с обладателями необычайно развитого мозга и интеллекта». Фрост рекомендовал прекратить забой китов, и правительство консерваторов, возглавляемое премьер-министром Малькольмом Фрейзером, согласилось с его рекомендациями. Вскоре австралийцы стали нацией противников китобойного промысла.

Планы по умерщвлению горбатых китов заморожены, но японскому китобойному флоту все равно предстоит убить около тысячи других китов, преимущественно более мелких полосатиков. Этот промысел проходит по категории «научные исследования» – правила, утвержденные Международной комиссией по промыслу китов, позволяют забивать китов в исследовательских целях. Впрочем, похоже, что эти исследования направлены в основном на то, чтобы подвести научную базу под коммерческий китобойный промысел. Если же неэтичен сам промысел, то и соответствующие исследования и неэтичны, и лишены смысла.

Япония утверждает, что китобойный промысел надо обсуждать спокойно, «без эмоций», опираясь на научные данные. Как полагают японцы, зафиксирован такой рост численности горбатых китов, что забой 50 особей не будет угрожать существованию вида. В узком смысле, возможно, они и правы. Но наука не в состоянии указать, можно или нельзя убивать китов. Желание японцев продолжать китовый промысел – такое же эмоциональное, как и сопротивление со стороны защитников окружающей среды. Японцам совершенно не обязательно есть китов ради пропитания или пользы для здоровья. Это просто традиция, которую они стремятся поддерживать, видимо, потому что некоторые питают к ней эмоциональную привязанность.

Но у японских китобоев есть аргумент и посильнее. Они утверждают, что Запад против охоты на китов, потому что кит для западного человека – животное особое, что-то вроде коровы для индуса. Западные народы, считают японцы, не должны насаждать среди них собственные культурные клише.

Лучший ответ на такой довод заключается в том, что избегать причинения ненужных страданий чувствующему существу – ценность, не имеющая культурной специфики. В этом, в частности, состоит один из главных принципов буддизма, лежащего в основе японских этических традиций. Но с такой позиции западному человеку выступать сложно, потому что он сам слишком часто заставляет животных страдать без необходимости. Например, австралийское правительство, которое так энергично выступило против китобойного промысла, ежегодно разрешает забивать около миллиона кенгуру – устраивать настоящую бойню, причиняющую животным много страданий. То же относится к разным видам охоты, принятым в других странах, не говоря уже о страданиях животных в крупных специализированных хозяйствах.

Охоту на китов надо прекратить, потому что она причиняет неоправданные страдания социальным, умным животным, способным получать удовольствие от жизни. Но западным странам будет трудно что-то противопоставить японскому доводу о культурном стереотипе, пока они вплотную не займутся проблемой избыточных страданий животных в своих собственных странах.

Project Syndicate, 14 января 2008 года

О преимуществах веганства

Есть ли оправдания тому, что мы делаем с животными? Христиане, иудеи и мусульмане могут сослаться на священные тексты, ставящие их превыше животных. Но если не прибегать к религии, то есть отказаться от постулата о сотворении животных в интересах человека и от божественной санкции на их использование, то «вопрос о животных» встанет перед нами во весь рост. Если мы всего лишь один из огромного разнообразия возникших на этой планете биологических видов и если к другим видам относятся миллиарды животных, отличных от людей, но способных и страдать, и, напротив, радоваться жизни, то с чего мы взяли, что наши интересы всегда важнее, чем их?

Самое спорное из того, что мы делаем с животными, – выращивание их для употребления в пищу. Только в США ежегодно убивают около десяти миллиардов специально выращенных животных.³ И все это, строго говоря, без всякой необходимости. В развитых странах с их богатым выбором пищевых продуктов обойтись без мяса совсем не сложно. Многочисленные исследования доказывают, что отказ от мяса полезен для здоровья. Так же качественно можно жить и на веганской диете, вообще не употребляя продуктов животного происхождения. (Из растительной пищи нельзя получить только витамин В₁₂, но это питательное вещество, добытое из веганских источников, легко купить в форме пищевой добавки.)

Спросите у людей, что, на их взгляд, неэтичного в поедании животных, и большинство ответит – убийство. Это, конечно, так, но современная животноводческая промышленность дает основания для еще одного, более серьезного возражения. Даже если бы не было дурно убивать животных только потому, что их мясо кажется нам вкусным, мы все равно отдавали бы свои деньги сельскохозяйственной системе, причиняющей животным длительные мучения.

Кур мясных пород держат в загонках, больше чем по 20 тысяч птиц в каждом. Аммиак, который выделяется из накопившегося помета, режет глаза и обжигает легкие. Современные куры выведены с тем, чтобы они как можно быстрее набирали вес, товарной массы они достигают всего за 42 дня, и их недоразвитые кости с трудом выдерживают вес тела. Некоторые не способны держаться на ногах и, не в силах добраться до воды и корма, вскоре погибают, но их судьба не сказывается на экономической эффективности предприятия в целом. Кур ловят, транспортируют и забивают варварскими способами: чем быстрее, тем экономичнее, – страдания животных при этом не учитываются вообще.

Куры-несушки тесно набиты в проволочные клетки, такие крошечные, что даже будучи курица там одна, она не могла бы расправить крылья. А их там обычно по четыре и больше. В условиях скученности более агрессивные птицы клюют тех, кто слабее, а тем некуда деться. Доминантные птицы способны заклевать слабейших соседей насмерть. Чтобы этого не случилось, производители ампутруют им клювы раскаленным лезвием. Клюв курицы богат нервной тканью – это главное ее средство связи с внешним миром, – но никакого наркоза или обезболивания не предусмотрено.

Свиньи, пожалуй, самые разумные и эмоциональные из всех, кого мы привыкли есть. На современных мясозаводах беременных свиноматок держат в боксах, таких узких, что животному там негде повернуться, можно только сделать шаг вперед или назад. Лежат они на голом бетоне без соломы и вообще без всякой подстилки. Им не удастся удовлетворить свой гнездовой инстинкт перед опоросом. Поросят забирают у свиноматки как можно скорее, чтобы она снова забеременела, но и их держат в закрытых помещениях, на голом бетоне, пока не отправят на бойню.

³ Как ни странно, на момент написания статьи количество животных, забиваемых на американских фермах, достигло своего максимума и с тех пор снизилось до 9,1 миллиарда. – *Прим. автора.*

Коровы мясных пород последние полгода своей жизни проводят в загонах для откорма, на голой грязи, кормят их зерном, на которое их пищеварительная система не рассчитана, стероидами для роста мышечной массы и антибиотиками, чтобы не умерли. Им негде укрыться ни от палящего солнца, ни от зимних метелей.

Вы спросите, что не так с молоком и молочными продуктами? Уж эти-то коровы живут хорошо, пасутся в полях. И никто их не убивает ради молока. Но сегодня молочных коров большей частью содержат в помещениях, без доступа к пастбищу. Корова, чтобы у нее было молоко, должна отелиться, поэтому молочных коров заставляют беременеть каждый год. Теленка забирают у матери через считанные часы после рождения, чтобы не переводить на него молоко, предназначенное для людей. Если это бычок, его могут забить немедленно, а могут откармливать на убой. Связь коровы с теленком очень сильна, и, когда его отнимают, ей случается звать его по нескольку дней.

Кроме вопросов об этичности нашего обращения с животными, сейчас появился еще один мощный аргумент в пользу веганства. Благодаря книге Фрэнсис Мур Лаппе «Диета для маленькой планеты» (Diet for a Small Planet, 1971) мы теперь знаем, что современное мясное животноводство крайне неэффективно. Свинофермы расходуют по шесть фунтов зерновых на каждый фунт произведенного мяса без костей. Для коров в раскормочных загонах это соотношение равно 11:3. Даже для производства курятины, самого эффективного из мясных производств, показатель составляет 3:1.

Лаппе писала о неэффективном использовании продуктов питания и о связанной с этим избыточной нагрузке на пригодные для земледелия пространства. Те же зерновые или сою мы могли бы употреблять в пищу непосредственно, и тогда нам хватило бы их гораздо меньше и понадобилось бы возделывать меньше земли. Сегодня проблему усугубляет глобальное потепление. Большинству американцев кажется, что для сокращения личного вклада в глобальное потепление им достаточно сменить семейный автомобиль на более энергоэффективный гибрид вроде «тойота-приус». По расчетам Гидона Эшеля и Памелы Мартин из Чикагского университета, это и правда позволит сократить выхлоп углекислого газа на тонну в пересчете на одного водителя, но переход с обычного американского рациона питания на веганский сэкономит еще больше – полторы тонны углекислого газа на человека. Следовательно, веганы наносят планете гораздо меньший ущерб, чем потребители животных продуктов.

Существует ли более этичный способ есть мясо и другие животные продукты? Да, например, покупать мясо, яйца и молочную продукцию тех производителей, которые не так жестоко обращаются с животными и позволяют им есть траву, а не зерно или сою. Если ограничиться только такими производителями, это будет способствовать сокращению выброса парниковых газов. Правда, коровы, пасущиеся на траве, все равно производят довольно много метана, а это особо мощный фактор глобального потепления. И все же тем, кто не отвергает убийство животных из этических соображений при условии, что они живут нормальной жизнью, избирательный подход к животным продуктам позволяет придерживаться рациона, который, с какой-то точки зрения, можно считать этичным. Но придется быть очень внимательными. Например, пометка *organic* ничего не говорит об условиях содержания животных, а кур, которых содержат не в клетках, вполне могут плотно набивать в курятники размером побольше. Веганство гораздо проще осуществить технически, вдобавок это хороший пример для всех остальных.

Free Inquiry, апрель/май 2007 года

Подумаем об индейке: размышления ко дню благодарения

Преподавая прикладную этику, я призываю студентов выносить предметы наших дискуссий за пределы учебных аудиторий, обсуждать их в семейном и дружеском кругу. А для американца нет лучше повода поговорить об этике питания, чем День благодарения, главный из праздников, собирающих семью за накрытым столом. Именно поэтому я тематически строю свой курс так, чтобы затронуть вопросы этичной еды как раз ко Дню благодарения.

Главное блюдо праздничного стола – по традиции индейка, так что логично с нее и начинать разговор. По данным Общенациональной федерации производителей индюшатины, каждый год на День благодарения убивают около 46 миллионов птиц – солидный вклад в ежегодно съедаемые американцами 300 миллионов. Почти все – не менее 99 % – выращены на птицефабриках. Условия жизни там во многом такие же, как у кур фабричного разведения. Вылупившихся из яиц индюшат подрашивают в инкубаторах, а затем, прежде чем отгрузить производителю для откорма, в том же возрасте, что и цыплят, подвергают процедуре удаления клюва, кроме того, у них удаляют когти, а у самцов – еще и сережку, мясистый нарост над клювом. Все это без анестезии, несмотря на очевидную и бесспорную болезненность операций. Клюв, например, – это не просто ороговевшая ткань вроде ногтей. Он полон нервных окончаний, с помощью которых в естественных условиях индюки, когда клюют землю, отличают съедобное от несъедобного.

Птиц калечат, потому что остаток жизни им предстоит провести в полутемных, плохо проветриваемых загонах, в плотной массе тысяч других индюков. Воздух там насыщен аммиачными испарениями от помета, который копится в загонах в течение пяти или шести месяцев. В этих противоестественных условиях, в состоянии стресса, птицы начинают клевать друг друга и драться ногами, случается даже каннибализм. Сережку удаляют потому, что именно она чаще всего служит в драке мишенью.

Когда птицы наберут товарный вес, их лишают еды и воды, загоняют, часто очень жестоко и грубо (есть снятые тайком видеокадры о том, как их хватают и швыряют в контейнеры для перевозки), и отправляют на бойню. Ежегодно сотни тысяч не доживают до забоя, погибая в пути от стресса. Тем, кто добрался до бойни живым, гуманная смерть, как и курам, отнюдь не гарантирована, поскольку Министерство сельского хозяйства США считает, что Закон о гуманном забое животных в отношении птиц не действует.

Но есть и различие. Заключается оно в том, что разведение радикально преобразило индюка. Селекция нацелена на увеличение объема грудки – самой гастрономически ценной части – и зашла уже так далеко, что стандартный американский индюк породы, красноречиво названной Broad Breasted White («белый широкогрудый»), неспособен к спариванию – мешает выдающаяся грудь. И тут, говоря я студентам, возникает интересный вопрос, способный оживить вялый застольный разговор в День благодарения. Укажите на индейку и спросите: «Откуда она взялась, если индюки не могут спариваться»?

Несколько лет назад мы с Джимом Мейсоном, чье детство прошло на ферме в штате Миссури, написали книгу «Этичность того, что мы едим» (The Ethics of What We Eat). Джим решил лично разобраться, откуда берутся миллионы индюков и индюшек, не способных к естественной репродукции. Он прочитал объявление от крупного, индустриального масштаба, производителя индюшатины о наборе работников, не обязательно с опытом работы, в отдел искусственного оплодотворения в Карфагене, штат Миссури. Джим сдал анализы на отсутствие наркозависимости, и его приняли на работу. Его задачей было ловить индюков за ноги и подвешивать вниз головой, чтобы другой сотрудник с помощью мастурбации доводил их до семяизвержения и вакуумным отсосом собирал семенную жидкость в шприц. Он переходил от

одной птицы к другой, пока семенная жидкость не заполняла шприц, который затем отправляли в загон к самкам.

Джим поработал и в загоне самок, это оказалось для него еще тяжелее. Вот что он рассказывает: «Хватаешь индюшку за ноги, стараясь скрестить ей «щиколотки», чтобы удерживать обе ноги одной рукой. Двадцати-тридцатифунтовая птица в ужасе, она бьет крыльями и панически сопротивляется. Через эту процедуру они проходят еженедельно на протяжении всего года, и им она совершенно не нравится. Захватив птицу одной рукой, бросаешь ее на край ямы, грудью вперед, хвостом кверху. Свободную руку кладешь на задний проход и хвост и отжимаешь гузку и хвостовые перья кверху, чтобы задний проход оказался открытым. Осеменитель сует большой палец под задний проход и нажимает, расширяя его так, чтобы показался вход в яйцевод. Затем вводит туда трубку с семенной жидкостью, присоединенную к шлангу контейнера со сжатым воздухом, нажимает на спуск, и струя сжатого воздуха выстреливает в яйцевод раствором семенной жидкости. Затем индюшку отпускают, и она ковыляет прочь».

Джим должен был «отжимать» по индюшке каждые 12 секунд, 300 штук в час, по 10 часов в день, уворачиваясь от струй помета, которыми его обдавали перепуганные птицы, и получая от бригадира потоки ругани, если не укладывался в норматив. В разговоре со мной он назвал это занятие «самой тяжелой, торопливой, грязной, отвратительной и малооплачиваемой работой, которую ему когда-либо доводилось выполнять».

Но вернемся к накрытому столу. Теперь, когда семья точно знает, откуда взялась птица, которую они едят, и как она жила и умерла, я предлагаю студентам спросить присутствующих, этично ли, на их взгляд, поддерживать деньгами такое обращение с живым существом. Если они скажут «нет», то к следующему Дню благодарения есть смысл готовиться немного иначе, потому что единственная причина промышленного производства индейки – это наша готовность ее покупать.

Выбор есть всегда. Индюк или индюшка, выращенные на пастбище, не искалеченные и способные к естественному воспроизводству, обойдутся в четыре раза дороже, чем произведенные на птицефабрике, но вы хотя бы будете уверены, что эта птица жила в нормальных условиях. Пусть и не на сто процентов. Недавно один производитель индейки был обвинен в мошенничестве: он содержал в гуманных условиях на свободном выгуле несколько сотен индюков и индюшек, а продавал в несколько раз больше; понятно, что основная часть проданных птиц никогда не покидала закрытого помещения. Так что если вы всерьез хотите убедиться, что ваша индейка выращена на свободе, придется тщательно проверить производителя на добросовестность.

И конечно, у вас есть возможность приготовить на День благодарения растительную пищу: это позволяет избежать соучастия в жестоком обращении с животными, полезно для окружающей среды, да и для вашего здоровья. Поищите на сайте The New York Times по ключевым словам «вегетарианский День благодарения», и вы обнаружите множество рецептов вкуснейших сезонных блюд специально к этому случаю. Или, если лень готовить, всегда можно купить индейку-тофу.

Мне, конечно, скажут, что индейка на День благодарения – это традиция. На самом деле не известно, ели ли отцы-пилигримы дикую индейку именно в тот первый День благодарения в 1621 году. Одно мы знаем наверняка: птицу породы «белая широкогрудая» с птицефабрики они точно не ели.

Ранее не публиковалось

Мясо из пробирки

Восемьдесят лет назад Уинстон Черчилль предсказал, что настанет день, когда «мы покончим с нелепой необходимостью выращивать целую курицу, чтобы съесть только грудку или крылья, и научимся выращивать эти части курицы по отдельности в особой среде». Он думал, что на это уйдет не более полувека. Выращивать отдельные части курицы мы пока не научились, но сегодня подошли к важной вехе на пути к будущему, которое предвидел Черчилль, – первой публичной дегустации мяса из пробирки.

Это историческое событие стало возможным благодаря исследованиям доктора Марка Поста из Маастрихтского университета (Нидерланды). Идея проста: взять клетки мышечной ткани от реальной коровы и выращивать их в питательном растворе. Результат – реальное мясо, до последней клетки подлинное. Осуществить это, впрочем, невероятно сложно – надо решить очень много проблем. Так что до выращивания курятины или стейков нам еще далеко. Задача ближайшего будущего – создать хотя бы гамбургер, и дегустация, прошедшая на этой неделе, доказала, что она выполнима. Такой гамбургер состоит из настоящей говядины, которая, однако, никогда не была живой плотью. Ни одна корова не пострадает при его производстве и к тому же ни разу не выпустит из кишечника газов, в частности метана – побочного продукта ее собственного пищеварения.

Не пора ли производителям говядины присматривать другой бизнес? Однажды такое время, наверное, наступит, но пока об этом думать рано. Порция гамбургера, которую предстоит продегустировать, стоила в производстве больше 200 тысяч фунтов. И все же, если ученым удалось преодолеть изначальные препятствия, нет причин, чтобы рано или поздно себестоимость мяса из пробирки не стала сопоставима с обычным мясом. Сейчас основная доля мяса, поступающего на рынок, получена от скота, который вскармливают зерновыми и соей. Их надо вырастить, после чего доставить к местам содержания животных – и все это лишь затем, чтобы часть питательных веществ превратилась затем в кости и другие несъедобные органы. Переработка питательного материала непосредственно в пригодное для еды мясо оказалась бы более экономной.

Для перехода от сегодняшнего животноводства к мясу из пробирки (произведенному по разумной цене) есть важные этические предпосылки. Прежде всего, это уменьшит страдания животных. Жестокому обращению с рабочими лошадьми, так пронзительно изображенному в романе Анны Сьюэлл «Черный Красавчик» (*Black Beauty*), положили конец мощные двигатели внутреннего сгорания. Точно так же более продуктивный способ производства мяса позволил бы покончить с несоизмеримо большими страданиями, которым сегодня подвергаются десятки миллиардов животных на животноводческих предприятиях.

Только каменное сердце не порадуется такой перспективе. Но дело даже не в эмоциях. Обсуждая этическое обращение с животными, философы на диво единодушны в выводах: животноводство на крупных механизированных фермах нарушает базовые этические принципы, простирающиеся за пределы нашего биологического вида. Даже такой упорный консерватор, как Роджер Скрутон, горячо защищавший псовую охоту на лис, пишет, что подлинно нравственный подход к защите животных начинается с признания того, что животноводческое производство – это дурно.

Второй довод – экологический. Разводить животных, особенно жвачных, на мясо – значит содействовать перегреву планеты и готовить сотням миллионов ее обитателей участь «климатических беженцев». В составе кишечных газов жвачных, попадающих в атмосферу, много метана – одного из мощных факторов создания парникового эффекта. А у мяса из пробирки нет ни отрывки, ни кишечных газов. Испражнений тоже нет, поэтому гигантские сточные коллекторы для навоза, без которых не обходится ни одно интенсивное животноводческое пред-

приятие, не понадобятся. Одно это позволит втрое сократить глобальное производство закиси азота, вносящей немалый вклад в изменение климата.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация при ООН признает, что по выбросу газов, вызывающих парниковый эффект, промышленное животноводство опережает весь транспорт, вместе взятый: легковые и грузовые автомобили, самолеты и морские суда. По некоторым расчетам, в странах с высоким поголовьем скота вклад животноводства в объем парниковых газов составляет до половины их совокупного выброса. Если расчеты эти точны, одной заменой ископаемого топлива на чистые источники энергии нам не обойтись. Нужно сокращать поголовье скота на планете.

Кое-кто из вегетарианцев и веганов, вероятно, не примет выращенного гамбургера, потому что вообще не понимает, зачем есть мясо. Ну и отлично, их право – хранить верность растительной пище. Но лично для меня вегетарианство или веганство не самоцель, а средство уменьшить страдания людей и животных и передать своим потомкам пригодную для обитания планету. Я уже 40 лет как не употребляю мяса, но если мясо из пробирки станет доступно по разумной цене, с удовольствием его попробую.

The Guardian, 5 августа 2013 года

Шимпанзе тоже люди

Томми 26 лет. Его держат за решеткой, в одиночке. Суд никогда ни к чему его не приговаривал и даже ни в чем не обвинял. Дело происходит не в Гуантанамо, а в Гловерсвилле, на севере штата Нью-Йорк.

Как такое возможно? Просто Томми – шимпанзе.

Проект по защите прав животных Nonhuman Rights прибег к одной из старейших юридических процедур – *habeas corpus*, чтобы оспорить в апелляционном суде правомерность содержания Томми за решеткой.

Ходатайство *habeas corpus* используют, чтобы добиться судебного решения о том, насколько законно лишать свободы конкретного человека, например заключенного или душевнобольного в медицинском учреждении. Зоозащитники просят суд направить Томми в заповедник во Флориде, где он жил бы вместе с другими шимпанзе на острове площадью 1,2 гектара посреди озера.

В этом месяце пять апелляционных судей внимательно выслушали основателя зоозащитного проекта Nonhuman Rights (Права нечеловека) Стива Уайза, представлявшего интересы Томми. Судьи резонно интересовались: может ли быть лицом, субъектом права кто-то, кроме человека?

Уайз ссылаясь на юридические прецеденты, подтверждавшие: да, может. В гражданском законодательстве лицо – это сущность, выступающая автономным субъектом права. Таким «лицом» может быть корпорация, река, священная книга, мечеть.

В компетенции судей объявить Томми субъектом права. Именно это им и следует сделать. И не только потому, что держать шимпанзе в одиночном заключении жестоко. Томми следует признать лицом, потому что он им является, в полном философском смысле слова.

Что такое лицо? Этот термин использовали еще древние римляне. Далеко не всегда он применялся к людям. Ранние христианские теологи разработали доктрину о Троице – Боге, едином в трех лицах. Если бы лицо означало «человек», такая доктрина противоречила бы христианскому вероучению, потому что человеком, согласно ему, бывало только одно из «лиц» Бога.

В современной культуре, например в научно-фантастических фильмах, нам не трудно видеть лица в инопланетянах, например, в пришельце из «Инопланетянина» или в На'ви из «Аватара», хотя они не принадлежат к биологическому виду *Homo sapiens*.

Читая книги таких исследователей, как Джейн Гудолл или Диана Фосси, мы без труда воспринимаем лица описанных там человекоподобных обезьян. Они способны на близкие и сложные межличностные отношения с другими членами группы. Они горюют, теряя любимых. Они осознают себя и способны думать. Способность предвидеть и прогнозировать позволяет им строить планы. В том, как они реагируют, когда другая обезьяна не отвечает услугой на услугу, можно даже различить зачатки этики.

Вопреки карикатурам оппонентов, признать в шимпанзе лицо не значит дать ему право голосовать, ходить в школу или подавать в суд за клевету. Это всего лишь значит признать за ним самое фундаментальное, основополагающее право – быть субъектом, а не только объектом юридической процедуры.

За последние 30 лет в научных лабораториях Европы постепенно признали, что шимпанзе – животные особого рода, поэтому их больше не используют в качестве подопытных. Только Соединенные Штаты до сих пор продолжают использовать шимпанзе в медицинских исследованиях, причем в прошлом году Национальный институт здравоохранения объявил, что отправляет на пенсию всех подопытных шимпанзе и переселяет их в заповедник. Если уж крупнейшее национальное медицинское учреждение приняло решение использовать шим-

панзе в качестве лабораторного материала только в исключительных случаях, почему мы позволяем обычным людям держать их за решеткой безо всяких причин?

Судам пора понять и принять, что обращаться с шимпанзе так, как это делаем мы, недопустимо. Это лица, субъекты права, и их необоснованному содержанию в клетках пора положить конец.⁴

The New York Daily News, 21 октября 2014 года

⁴ Апелляционный суд штата Нью-Йорк, Третье юридическое отделение, не удовлетворил ходатайства проекта Nonhuman Rights в интересах Томми, затем апелляционный суд штата Нью-Йорк отказал проекту в праве на апелляцию. Когда печаталась эта книга, проект искал другие каналы для продолжения тяжбы. – *Прим. автора.*

Корова, которая...

В прошлом месяце с бойни, расположенной в районе Квинс в Нью-Йорке, сбежал молодой бычок мясной породы. Множество медийных ресурсов тут же разместили видео, на котором животное деловито трусит по оживленной улице. Для тех, кто любит животных, история закончилась благополучно: бычка поймали и отправили в заповедник, где он проведет всю оставшуюся жизнь в естественных условиях.

Но для меня интереснее всего оказался выбор слов, которые медиа использовали применительно к этому бычку. Заголовок в *The New York Times* гласил: «Cow Who Escaped New York Slaughterhouse Finds Sanctuary» («Корова, сбежавшая с нью-йоркской бойни, нашла убежище»). Защитники прав животных уже давно борются за то, чтобы слово *who* («кто, который»), зарезервированное исключительно за людьми, применялось и к животным, о которых пока принято говорить *that* или *which*. Это различие есть не во всех языках, но по-английски сказать *the cow that escaped* значило бы отказать животному в целенаправленности его действия. Мы говорим «заключенный, который (*who*) бежал», но «камень, который (*that*) скатился с горы».

Видеть в статье из *The New York Times* доказательство сдвига в словоупотреблении было бы преждевременно. Скорее она демонстрирует некоторую неопределенность в выборе слов, потому что в первой фразе статьи мы видим: «Корова, которую (*that*) изловила полиция».

Я спросил Филипа Корбетта, литературного редактора *The New York Times*, означает ли это *who* в заголовке новый подход газеты к описанию событий. Он объяснил, что и отдел стилистической редактуры в *Times*, и аналогичный в *Associated Press* предлагает использовать *who* только для животных персонифицированных или называемых по имени. В качестве примера в руководстве приводится такой: «Собака, которая (*that*) потерялась, выла», но «Аделаида, которая (*who*) потерялась, выла».

Корбетт добавил, что редакторы, по-видимому, оказались перед сложным выбором. Корова, точнее говоря, бычок, на момент побега был безымянным, но Майк Стура, основатель его нового дома, Скайлендского заказника и приюта для животных, назвал его Фредди. В одних СМИ о животном говорится *who*, в других – *that*. Если погуглить, мы увидим оба словоупотребления. Поиск по словам *cow who* дает примерно 400 тысяч ссылок, а *cow that* – около 600 тысяч. Замените «корову» на «собаку», и цифры сблизятся еще больше: 8 с лишним миллионов за *who* и 10 с лишним – за *that*.

Возможно, дело в том, что пишут в основном про домашних собак, у которых есть имена. Но если поискать все в том же Google, то про шимпанзе *who* говорят вдвое чаще, чем *that*, а они не самые распространенные домашние питомцы. Скорее всего, тут сказывается их сходство с людьми и бесспорная индивидуальность. Про горилл и орангутанов тоже чаще говорят *who*, чем *that*.

Сервис Google Ngram, отслеживающий частотность отдельных слов или фраз в печати в различные годы, позволяет сделать еще одно интересное наблюдение. Если в 1920 году на каждое *cow who* приходится более десяти *cow that*, то к 2000 году этот показатель опускается ниже пяти. Такое впечатление, что со временем мы стали больше очеловечивать коров, притом что многочисленные семейные молочные фермы, хозяева которых знали каждую свою корову, с тех пор сменились корпорациями молочных заводов с тысячами безымянных животных.

Еще удивительнее, что *who*, судя по всему, все чаще употребляется в отношении тех животных, которые никогда не были домашними питомцами и обладают менее выраженной индивидуальностью, чем крупные человекообразные.

Консервированного тунца сложно представить себе отдельной особью с ее собственным характером, не говоря уже о том, чтобы увидеть в этой рыбе личность, но писатель Шон Томсон недавно написал в Twitter про «тунца, который (*who*) умер только затем, чтобы его засу-

нули в консервную банку, завалившуюся в дальнем углу моего кухонного шкафа сверх срока годности и только что выброшенную».

Многие общественные движения внимательно относятся к языку, потому что он одновременно и отражает, и поддерживает несправедливость, которую надо исправить. Феминисты сумели доказать, что использование мужского рода (считавшегося гендерно нейтральным) в обобщающих утверждениях, касающихся также и женщин, превращает последних в невидимок.

Предлагались разные способы это исправить, самым удачным оказалось использование множественного числа *they* («они») для случаев вроде *Each person should collect their belongings* (буквально: «каждое лицо должно забрать свои вещи»). Термины для обозначения представителей расовых меньшинств и людей с ограниченными возможностями сегодня также оспариваются в таком масштабе, что не всякий сумеет придерживаться того словаря, который представители этих категорий считают для себя приемлемым.

Говорить о животных *who* – часть того же тренда, что и эти языковые реформы. Для большинства современных правовых систем животные – такая же собственность человека, как столы и стулья. Законодательство защищает их от жестокого обращения, но чтобы они перестали быть вещами, этого недостаточно, потому что точно так же закон защищает и ландшафтные заповедники, и памятники старины. Английское словоупотребление должно измениться, демонстрируя, что животные по своей сути гораздо ближе к нам, чем к столам и стульям, картинам или горам.

Законодательство уже начинает меняться. В 1992 году Швейцария стала первой страной, включившей в конституцию положение о защите достоинства животных, следом, через десять лет, это сделала Германия.

В 2009 году Евросоюз внес поправки в свое базовое соглашение и включил положение о том, что, «поскольку животные – чувствующие существа, ЕС и его страны-члены должны неукоснительно учитывать требования законодательства по защите животных при формировании политики в сельском хозяйстве, рыбной промышленности, научных исследованиях и некоторых других областях».

В языках, которые, как английский, по умолчанию относят животных к разряду вещей, а не личностей, аналогичную роль играет личное местоимение, напоминающее нам, кто такие животные на самом деле.

Project Syndicate, февраль 2016 года

«Жизнь священна»: до каких пределов?

Подлинная трагедия аборта

В прошлом месяце в Доминиканской Республике врачи отложили проведение химиотерапии беременной девочке-подростку, страдающей лейкемией. Они опасались вызвать выкидыш, то есть нарушить государственный закон, запрещающий любые формы аборта. В конце концов в результате переговоров между врачами, юристами и семьей химиотерапию все же начали, но лишь после того, как неадекватная суровость антиабортного законодательства многих развивающихся стран в очередной раз оказалась в центре общественного внимания.

Проблема абортот широко освещается в СМИ развитых стран, прежде всего в США, где республиканцы используют призывы к борьбе с абортами, чтобы спланировать своих избирателей. В ответ во время недавней кампании за переизбрание президента Барака Обамы на второй срок был выпущен телевизионный ролик, где женщина говорит: «Сегодня страшно быть женщиной», – поскольку конкурент Обамы Митт Ромни поддерживает законодательный запрет абортот.

Гораздо меньше на слуху те 86 % всех абортот в мире, которые проводятся в развивающихся странах. Хотя в большинстве стран Африки и Латинской Америки абортот в общем и целом запрещены законом, формальные запреты никак не отражаются на их высокой статистике. В Африке в год на тысячу женщин приходится 29 абортот, в Латинской Америке – 32. В Западной Европе, где абортот, как правило, разрешены, этот показатель – 12. По данным последнего доклада ВОЗ, 47 000 женщин ежегодно погибают от небезопасных абортот, и почти все эти смерти происходят в развивающихся странах. Еще пять миллионов женщин ежегодно получают травмы и увечья, некоторые – на всю жизнь.

Почти всех этих смертей и травм можно было бы избежать, считает ВОЗ, обеспечив населению доступ к половому просвещению, информации о планировании семьи и контрацепции и возможность безопасного легального абортот с последующим медицинским наблюдением, чтобы избежать осложнений. По имеющимся данным, беременность хотели бы предотвратить 220 миллионов женщин из развивающихся стран, но у них нет необходимых знаний об эффективной контрацепции и/или доступа к ней. Это трагедия как для отдельного человека, так и для всей нашей перенаселенной планеты. В прошлом месяце в Лондоне прошла встреча в верхах, посвященная планированию семьи и организованная Министерством международного развития Великобритании и фондом Билла и Мелинды Гейтс. Саммит поставил перед собой задачу к 2020 году донести необходимую информацию до 120 миллионов таких женщин.

Ватиканская газета откликнулась на эту инициативу нападками на Мелинду Гейтс, чьими стараниями, а отчасти и на чьи средства эта инициатива, по предварительным оценкам, спасет три миллиона младенцев от смерти на первом году жизни и на 50 миллионов сократит число абортот. Логично было бы предположить, что католическая церковь сочтет этот результат положительным. (Сама Гейтс – практикующая католичка, которая видела, что бывает, когда женщина не в состоянии прокормить ребенка или искалечена подпольным абортот.)

Недоступность или труднодоступность легального абортот побуждает многих неимущих женщин обращаться в подпольные абортотории. Когда в 1998 году ЮАР узаконила абортот по желанию, количество связанных с этой процедурой смертей упало на 91 %. Появление таких лекарств, как мизопростол и мифепристон, которые можно приобрести в аптеке, делает относительно безопасный и малозатратный абортот доступным для женщин развивающихся стран.

Оппоненты обычно отвечают на это, что по самой своей природе аборт опасен – для плода. Они утверждают, что аборт – это убийство уникального живого человека, индивида. С

таким утверждением трудно спорить, если под «человеком» мы имеем в виду представителя биологического вида *Homo sapiens*.

Верно и то, что мы не можем механически повторять слова о праве женщины на выбор, не решив при этом этического вопроса о моральном статусе плода. Если плод действительно обладает теми же правами, что и любой другой человек, сложно будет защищать право беременной женщины на выбор – в том числе на выбор смерти для плода, за исключением разве что тех случаев, когда беременность угрожает жизни будущей матери.

Слабость антиабортной аргументации состоит в том, что из корректного научного тезиса о том, что плод – это живой индивид, представитель вида *Homo sapiens*, безосновательно выводится этический постулат, согласно которому плод имеет то же право на жизнь, что и любой человек. Чтобы говорить о праве существа на жизнь, одной принадлежности к виду *Homo sapiens* недостаточно. По таким критериям, как самосознание и разумность, плод вправе рассчитывать на охрану своей жизни не больше, чем корова, – его умственные способности ниже, чем у нее. Но группы пролайферов, пикетирующие абортарии, редко можно встретить в пикетах у боев.

Мы обоснованно утверждаем, что сознающих себя существ, которые хотят жить, нельзя убивать против их воли. В этом мы видим нарушение их автономии или насилие над их желаниями. Но почему нельзя прекращать жизнь живого существа еще до того, как его потенциальная способность к мышлению и самосознанию реализовалась?

Мы не обязаны давать каждому потенциально разумному существу возможность реализовать этот потенциал. И если предположить, что интересы потенциально разумных, но еще не обладающих сознанием существ столкнутся с жизненно важными интересами реальных разумных женщин, приоритетом в любом случае должны быть женщины.

Project Syndicate, 13 августа 2012 года

Выхаживать ли самых крошечных?

В феврале журналисты подняли большой шум из-за «чудо-младенца» Амилии Тейлор, которую газеты называли самым недоношенным выжившим младенцем в истории. Амилия родилась в октябре на очень малом гестационном сроке – 21 неделя и 6 дней. На момент рождения она весила 280 граммов. Дети, родившиеся на внутриутробном сроке до 23 недель, до сих пор не выживали, поэтому врачи не ожидали, что Амилия будет жить. Но, проведя около четырех месяцев в отделении интенсивной неонатальной терапии одной из больниц Майами, Амилия набрала 1800 граммов веса, и доктора решили, что ее можно выписывать.

Перегретых эмоций тогда оказалось больше, чем история того заслуживала. Амилия была зачата искусственно, в пробирке, поэтому день ее зачатия точно известен. Обычно это невозможно, и срок беременности отсчитывается от первого дня последней менструации матери, а на самом деле зачатие происходит, как правило, примерно в середине менструального цикла. Следовательно, обычно официальный срок опережает подлинную дату зачатия примерно на две недели, и, если сделать эту поправку, Амилия родилась на 23-й неделе беременности, а такие дети выживают довольно часто. Тем не менее Амилия, безусловно, была критически недоношенной и очень крошечной (по одному из источников, четвертой в списке самых крошечных из выживших новорожденных). Можно только порадоваться за ее родителей, их долгожданная дочь оказалась настоящим бойцом. Но использование всей мощи современной медицины для спасения все более и более крохотных младенцев ставит вопросы, которые нуждаются в обсуждении.

В статье в ноябрьском номере The Medical Journal of Australia доктор Кей Лу, заведующая отделением терапии новорожденных в Королевской женской клинике Сиднея, в соавторстве с коллегами из других клиник рассказала об итогах семинара с участием 112 специалистов из всех десяти отделений высокотехнологичной интенсивной терапии новорожденных, обслуживающих Новый Южный Уэльс, самый многонаселенный штат в Австралии, и Австралийскую столичную территорию с центром в Канберре.

В семинаре участвовали не только врачи соответствующих специальностей, но и акушерки, неонатальные медсестры, представители родителей и местной общественности. Прежде чем перейти к предложениям, участники получили данные исследования судьбы детей, родившихся в регионе с 1998 по 2000 год на сроках до 26 недель. Оказалось, что ни один ребенок, появившийся на свет на сроке до 23 недель беременности, не выжил. На сроке от 23 до 25 недель выживаемость возрастала с 29 до 65 %.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.